МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Управление преподавания общественных наук

В. Н. ЧЕРКОВЕЦ

ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Материалы к лекции по курсу политической экономии

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ НАУКА»

Москва — 1959

В предлагаемой вниманию читателей работе «Предмет политической экономии» не все положения, высказываемые автором, следует расценивать как бесспорные. Но все же работа представляет определенный интерес и может быть полезной изучающим экономическую теорию.

Отдел преподавания политической экономии
Министерства высшего образования СССР

Введение

Политическая экономия относится к числу наук, изучающих общество, — к так называемым общественным наукам.

В системе общественных наук (философия, история, право, языкознание и др.) политическая экономия занимает особое место. Оно определяется тем, что политическая экономия имеет дело с таким кругом явлений, которые играют решающую роль в жизни общества, служат основой, базисом для всей многообразной совокупности отношений людей.

Название «политическая экономия» происходит от греческих слов «полис» (город, государство, общество), «ойкос» (домохозяйство), «номос» (закон) и в буквальном переводе означало бы «общественное управление хозяйством». Но это название неточно отражает содержание предмета политической экономии.

В самой общей форме предмет политической экономии можно было бы определить так: политическая экономия изучает производственные, экономические отношения людей, т. е. отношения людей в процессе производства материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества. Определение предмета политической экономии, как и любой другой науки, является важнейшей и необходимой ступенью в ее разработке и изучении.

Как самостоятельная наука политическая экономия возникла в XVII в. на заре капиталистического способа производства. С развитием капиталистических производственных отношений развивалась и политическая экономия. Ее высшей формой является марксистско-ленинская политическая экономия.

Предмет политической экономии теснейшим образом связан с ее методом. Предмет определяет метод, но, с другой стороны, правильное понимание предмета зависит от применения научного метода. Расхождения в толковании предмета, существующие между различными школами и направлениями в политической экономии, между буржуазной и марксистской политической эко-

номией, связаны с применением разных методов, что, в свою очередь, определяется общефилософскими и социологическими воззрениями, выражающими идеологию различных классов. Специальное изучение метода политической экономии выходит, таким образом, за пределы этой науки. Для марксистской политической экономии это означает прямую увязку с диалектическим и историческим материализмом.

В данной лекции выясняется область исследования политической экономии как особой науки, цель, которую ставит перед собой политическая экономия, ее значение в практической деятельности людей. Предмет политической экономии — важнейшая методологическая проблема, так как она является общей для всего курса политической экономии, проходит красной нитью по всем его разделам и дает ключ к их пониманию.

Марксистско-ленинская политическая экономия исследует производственные, экономические отношения не в интересах чистого знания. Экономическая теория марксизма служит общественно-производственной практике, преобразованию мира. Она является оружием борьбы рабочего класса за свое освобождение от капиталистического рабства, оружием борьбы трудящихся масс за построение коммунистического общества.

1. Производство материальных благ — основа жизни человеческого общества

«Всякий ребенок знает, — писал К. Маркс, — что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говорю уже на год, а хотя бы на несколько недель».[1] Чтобы существовать, человек должен прежде всего есть, пить, одеваться, иметь жилище и т. п. Но для этого он должен производить материальные блага, должен трудиться. Производство материальных благ является всегда и при всех условиях основой существования людей, вечной и естественной необходимостью.

Уже на ранних ступенях своего развития человек производил продукты: ловил и поджаривал на огне рыбу, добывал охотой дичь, строил примитивные жилища. В наше время производство является основным источником получения необходимых продуктов. Все, или почти все, что потребляет и чем пользуется современный человек, создано в производстве самими людьми. «Существенное отличие человеческого общества от общества животных, — писал Ф. Энгельс, — состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают*, между тем как люди *производят*»[2].

Что же такое п р о и з в о д с т в о?

Это, прежде всего, процесс, совершающийся между человеком и природой, в результате которого вещество природы по-

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 208.

[2] Т а м ж е, стр. 306.

лучает преобразованный, измененный вид, или полезную для потребления форму, становится продуктом. Приводя в движение принадлежащие его телу естественные органы — руки и ноги, голову и пальцы, человек воздействует на природу, приспосабливая ее предметы для удовлетворения своих потребностей. Он добывает руду, обрабатывает землю и выращивает пшеницу, рубит деревья, разводит животных, строит здания, прокладывает дороги. При этом человек затрачивает свои физические и умственные силы — трудится. Посредством труда он, таким образом, превращает вещества природы в продукт, необходимый ему для жизни.

В отличие от инстинктивных форм труда, встречающихся, например, у муравьев, пауков, пчел, птиц, труд человека носит целесообразный характер. Прежде чем приступить к труду человек ставит перед собой осознанную цель, строит в своем представлении образ продукта. «Самый плохой архитектор, — говорит К. Маркс, — от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»[1]. Целесообразная трудовая деятельность является исключительным достоянием человеческого общества.

Но дело не только в этом. В процессе воздействия на природу человек создает и использует средства труда. Он помещает между собой и природой вещи или комплекс вещей и, пользуясь их механическими, физическими, химическими, биологическими свойствами, осуществляет свою цель. «Труд начинается с изготовления орудий»[2].

Первоначальными средствами труда были, конечно, предметы, данные самой природой, например, камень и палка, с помощью которых можно было убить зверя, производить трение, давить и резать. Однако уже на ранних ступенях развития человек прибегает к обработке материалов природы. Он шлифует камень, делает из палки заостренное копье, изготавливает лук и стрелы. Он вооружает себя искусственными органами и в какой-то степени приобретает с их помощью власть над природой. Переход к скотоводству значительно расширил круг потребностей человека и вместе с тем дал средства удовлетворения этих потребностей. На более поздних ступенях развития люди стали использовать полезные свойства земли, выращивать земледельческие культуры. Прошло немало времени прежде чем стали применяться железный плуг и железный топор. По крайней мере, гомеровская Греция покоилась на этом уровне развития средств труда. Этот период характеризуется расцветом ремесел — появляются кузницы, ручные мельницы, строятся суда, производятся масла и вина. Многовековая история отделяет

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 185.
[2] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1949, стр. 137.

появление первых железных орудий от машинного производства. Промышленность, основанная на применении машины, сравнительно молода. Она рождена на рубеже XVIII — XIX вв. Но использование машин в качестве средств труда привело к величайшим переворотам в производстве. С помощью машины человек приобрел огромную власть над природой. Современные средства труда в своей подавляющей части созданы трудом человека и являются продуктом его прошлой, исторической деятельности.

Создание и употребление средств труда составляет вторую специфическую и характерную черту человеческого труда.

Воздействуя посредством труда на внешнюю природу и изменяя ее, человек изменяет в то же время и свою собственную природу. Роль труда в развитии самого человека исключительно велика.

Труд, подчеркивал Ф. Энгельс, — не только источник богатства наряду с природой. «...Он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»[1]. И это следует понимать далеко не в переносном значении.

Труд способствовал развитию руки человека, которая является не только органом труда, но и его продуктом. Только благодаря труду рука человека достигла такого совершенства, что смогла дать миру бессмертные творения величайших живописцев, скульпторов, музыкантов.

Следствием развития руки были изменения и других органов. Труд выпрямил человека, обусловил возникновение речи, привил человеку трудовые навыки, расширил его кругозор, развил мыслительные способности до высот познания законов природы и общества.

Итак, производство материальных благ есть прежде всего целесообразный процесс труда, в котором с помощью средств труда человек превращает вещество природы в полезные продукты, необходимые для личного потребления, а также для следующего акта производства.

Соответственно этому можно определить и составные моменты процесса труда. Таких моментов три. Они необходимы при любых общественных условиях и в этом смысле являются вечными, абсолютными факторами производства. Это — 1) самый труд, целесообразная деятельность, расходование физической и умственной энергии работника, 2) предмет труда (объект приложения сил работника) и 3) средства труда, с помощью которых работник воздействует на предмет труда.

Труд есть реализация присущей работнику способности к труду. Эта способность представляет из себя совокупность физи-

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1950, стр. 132.

ческих и умственных сил человека, которые он может использовать для создания различных материальных благ. Обладая такой способностью, т. е. трудовым опытом, производственными навыками, знаниями, квалификацией, или умелостью, работник, говорим мы, обладает рабочей силой. Следовательно, труд есть проявляющаяся в действии рабочая сила, или ее потребление.

Предметы труда существуют в двух видах. Они могут быть даны самой природой — рыба, которую ловят в реке, дерево, вырубаемое в девственном лесу, руда, добываемая из недр земли и т. д. Но рыба, которую обрабатывают на рыбном заводе, дерево, из которого строится дом или изготавливается мебель, руда, потребляемая на металлургическом заводе, — это сырье (сырой материал), или предмет труда, уже подвергавшийся ранее обработке. Сырье может пройти ряд стадий такой обработки. Шерсть, например, поступает в прядильное производство, где она превращается в шерстяную пряжу — предмет труда ткацкого производства; шерстяная ткань — продукт ткацкого производства — служит предметом труда на швейной фабрике.

Предметы труда современного производства в подавляющей части — сырые материалы. Естественные предметы труда характерны только для добывающей промышленности, но значение их велико. Добывающая промышленность получила в наше время колоссальное развитие. Многие полезные ископаемые, ранее не доступные и не нужные для производства, теперь поставлены ему на службу, особенно руды, содержащие редкие элементы— уран, кобальт, висмут и др. Широкое промышленное применение получили никель, цинк, олово, свинец, алюминий и др. металлы. Алмазы являются ценнейшим материалом для инструментальной промышленности. Химическое производство нуждается в огромных количествах фосфатов, калийных солей, серы. Значительно выросла добыча и таких, давно известных человеку природных богатств, как уголь, нефть, медь и т. д.

Однако значение естественных предметов труда состоит не только в этом. Вещество природы всегда является первичным материалом в производстве и содержится в любом продукте, какому бы преобразованию оно ни подвергалось в процессе труда. Источником полезного продукта является не только труд, но и сама природа. «Труд есть отец богатства,... — писал К. Маркс, — земля — его мать»[1].

Нельзя, конечно, думать, что предмет труда, который дан самой природой, — это окружающая человека географическая среда, земные и водные богатства. Только тогда материал природы, земные недра становятся предметом труда, когда к ним прилагается труд, когда они включаются в производство. До этого естественные богатства мы можем рассматривать лишь как потенциальный элемент производства. Следовательно, предмет

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 50.

труда — не функция самой природы, а определенная общественная функция.

В отличие от предметов труда, средства труда являются орудием воздействия человека на природу. Они аккумулируют в себе весь исторический производственный опыт людей, передаваемый из поколения в поколение. Средства труда являются мерилом развития человеческой рабочей силы и ярчайшим показателем господства человека над природой. Степень развития средств труда служит в конечном счете решающим фактором возникновения тех или иных экономических отношений. «Экономические эпохи, — пишет К. Маркс, — различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [1]. Останки средств труда, найденные археологами, позволяют судить о давно исчезнувших общественных отношениях, как палеонтологу строение останков костей позволяет определить давно исчезнувшие виды животных.

Из всей совокупности средств труда К. Маркс выделяет, в первую очередь, механические средства труда — машины, инструменты. В литературе их принято называть еще «орудиями труда», или «орудиями производства». Этот вид средств труда образует «костно-мускульную систему» производства, при помощи которой человек прямо воздействует на предмет труда. В механических средствах труда наиболее ярко выражены отличительные признаки определенной эпохи общественного производства. Технический прогресс зависит прежде всего от развития этих средств труда.

Меньшее значение имеет так называемая «сосудистая система производства», служащая для хранения предметов труда,—трубы, бочки, корзины, сосуды. «Лишь в химической фабрикации, — писал К. Маркс, — они играют важную роль» [2]. Но с тех пор, как писал К. Маркс, прошло около ста лет. Химическое производство неизмеримо выросло. Оно стало одной из ведущих отраслей промышленности. Качественно изменился и состав применяемых в ней средств труда. Появилась сложная «сосудистая система производства», неразрывно сросшаяся с машиной. Возникли и развились другие отрасли промышленности, в которых «сосудистая система» имеет огромное значение, например, металлургическая промышленность, производство атомной энергии. Ясно, что было бы неправильно оценивать «сосудистую систему производства» (как средство труда в современном производстве) с тех же позиций, что и сто лет тому назад.

К средствам труда К. Маркс относит также и все материальные условия, необходимые для того, чтобы процесс труда мог совершаться. Это прежде всего земля, поскольку она дает ме-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 187.
[2] Там же.

сто и сферу действия процессу труда как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, рабочие здания, каналы, железные и шоссейные дороги. Сюда же можно отнести и средства связи (телеграф, телефон, радио, телевидение), и освоенные для судоходства реки, и морские, воздушные пути, и газопроводы и многое другое.

Наконец, К. Маркс говорит об использовании в производстве **естественных сил**, процессов природы, которые будучи направлены трудом, продолжают действовать самостоятельно и осуществляют намеченную человеком цель. Элементы такого использования естественных процессов известны человеку уже давно, например, применение огня, приручение животных. Но истинно широкий размах подчинение сил природы человеку приобрело в эпоху машинной индустрии и особенно в последнее время. В производстве находят применение пар, химические процессы, солнечная энергия, сила ветра, гидроэнергия, электричество, атомная энергия. Общество ставит себе на службу законы природы, проникая в ее тайны и превращая стихийные естественные силы в своих покорных слуг, в средства труда.

Следует заметить, что граница между средствами и предметами труда весьма подвижна и преходяща. Во-первых, та или иная вещь служит средством или предметом труда в зависимости от той функции, которую она выполняет в процессе производства. Земля, например, в момент обработки выступает как предмет труда, а в качестве фактора выращивания земледельческих культур или как пространственная сфера производства является средством труда. Скот, откармливаемый на мясо, выполняет роль предмета труда, но как производитель удобрений и тягловая сила он является средством труда. Машина, которая по своей конструкции предназначена служить средством труда, в период ремонта и как объект усовершенствования выполняет функцию предмета труда.

Во-вторых, в процессе производства происходит постоянное превращение предметов труда в продукты, в числе которых важное место занимают средства труда.

Все это не означает, конечно, что между средствами и предметами труда исчезает всякое различие. Однако оно существует внутри неразрывного органического единства всех трех моментов трудового процесса. Без наличия любого из этих моментов исчезает функция и остальных, так как в этом случае нет условий для самого производства. Чтобы машина, например, стала средством труда, она должна быть использована работником. В противном случае она превращается в мертвую вещь, подвергающуюся порче. С другой стороны, рабочая сила не может реализоваться в труде, если она не соединяется со средствами и предметами труда. Способность работника к труду в этом случае вообще теряет свои качества. В условиях массовой хронической безработицы, присущей современному капитализму, рабо-

чие серьезно страдают не только из-за отсутствия средств к существованию, но и от потери квалификации. Вот почему средства и предметы труда поистине являются *«средствами существования труда»* [1].

Итак, благодаря труду человек получает средства к жизни, воспроизводит себя физически. Благодаря труду он восстанавливает и приобретает новые искусственные органы, средства труда, обеспечивающие его власть над природой. Благодаря труду он развивает свои физические и умственные способности, приобретает трудовые навыки, квалификацию. Труд возвысил человека над окружающей природой.

Историческое развитие общества является следствием постоянного взаимодействия элементов процесса труда, следствием участия человека в труде, следствием совершенствования средств труда, играющих в развитии общества ведущую роль.

2. Общественное производство и его две стороны: производительные силы и производственные отношения. Способ производства

Поскольку в процессе труда производится (создается) продукт, средства и предметы труда выступают как средства производства, самый труд — как производительный труд, а работник — как производительный работник. Взаимодействие вещественного и субъективного факторов производства завершается полезным результатом. Все эти факторы, необходимые для борьбы с природой и составляющие отношение человеческого общества к природе на данной ступени его развития, являются производительными силами общества.

В производительных силах всегда представлено единство производителей материальных благ и средств производства.

Основной производительной силой общества является сам работник. Ибо, во-первых, только он, а не средства производства, обладает способностью к труду. Во-вторых, люди создают, приводят в движение и совершенствуют средства производства. В-третьих, трудящиеся массы как создатели материальных благ являются действительными творцами истории общества. *«Первая производительная сила всего человечества,* — писал В. И. Ленин, — *есть рабочий, трудящийся»* [2].

Другим решающим элементом производительных сил являются механические средства труда, или орудия труда в узком значении слова, — инструменты, машины.

История развития производительных сил есть, прежде всего, история орудий труда от грубых каменных орудий до современ-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив, т. 2(VII), стр. 67.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 334.

ных автоматических машин, история развития самих производителей материальных благ, трудящихся, их производственного опыта, технических знаний.

Между этими главнейшими элементами производительных сил существует тесная взаимосвязь в историческом развитии, в котором первое место принадлежит орудиям труда. Например, машина, наряду с упрощением ряда трудовых операций, вызвала к жизни много новых специальностей — слесарей, токарей, машинистов, а также специальностей инженерно-технического уровня. Со своей стороны, повышение квалификации работников производства является важнейшим условием технического прогресса, совершенствования орудий труда.

Уровнем развития орудий труда и степенью богатства накопленного производственного опыта людей характеризуется, в первую очередь, и с о с т о я н и е производительных сил на данном историческом этапе.

Но если бы мы задались целью полно описать состояние производительных сил, например, нашего социалистического общества, то ограничиться характеристикой современных машин и механизмов и производственных навыков самих работников было бы недостаточно. Мы должны будем рассказать о всей сложной совокупности средств труда, применяемых в производстве: о разветвленной системе путей сообщения, об освоении огромных массивов целинных и залежных земель на Востоке нашей страны, о гидротехнических сооружениях, превосходящих своей масштабностью что-либо подобное на земном шаре, об использовании атомной энергии в промышленных целях, о сети газопроводов, протянутых на многие сотни и даже тысячи километров, о средствах связи и т. п. Мы должны будем, далее, рассказать о составе отраслей нашего народного хозяйства, о новых отраслях промышленности, особенно развившихся за последнее время и имеющих широчайшие перспективы, например, о химической промышленности, о размещении этих отраслей на территории нашей страны. Но и этого мало. Мы должны рассказать о тех естественных ресурсах нашей страны, которые втянуты в производство, а также о разведанных полезных ископаемых, имеющих производственное значение и составляющих пока еще потенциальные производительные силы нашего общества. Наконец, мы обязаны рассказать о технологическом применении достижений современных естественных и технических наук, о новейшей технологии производства, о его научной организации. По мере развития техники сама наука все более приобретает значение важнейшей производительной силы общества. Об этом свидетельствуют успехи социалистического производства, позволившего построить первую в мире атомную электростанцию, запустить первый в мире искусственный спутник Земли, построить первый в мире атомный ледокол. Величайшим триумфом советской науки и техники явился запуск космической ракеты в сто-

рону Луны, достижение ею второй космической скорости, выход за пределы земного тяготения и превращение в первую искусственную планету солнечной системы.

Состояние производительных сил обусловливает исторически определенную ступень производительности труда, измеряемую количеством продуктов, созданных в единицу рабочего времени.

Внутри самих производительных сил мы можем провести различие не только по значению, но и по происхождению их элементов. Средства производства, взятые непосредственно у природы, например, водопады, реки, естественное плодородие земли, — можно назвать естественными производительными силами. Напротив, средства производства, созданные трудом человека, можно назвать общественными производительными силами. В современном производстве этот последний вид производительных сил играет решающую роль. Но разделение производительных сил на «естественные» и «общественные», встречающееся в работах К. Маркса, вовсе не означает того, что «естественные» производительные силы не служат обществу. И те и другие составляют производительные силы общества.

Место производительных сил в жизни общества исключительно велико. Они образуют материально-производственную базу его существования и развития. В. И. Ленин писал: «...как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных, производительных сил»[1].

Производительные силы представляют одну из сторон производства и, как уже отмечалось, выражают отношение людей к природным силам, наступление людей на природу, в борьбе с которой они добывают необходимые материальные блага.

Изучает ли эту сторону производства марксистская политическая экономия? Нет, не изучает. Здесь находят свой предмет многочисленные технические и естественные науки, имеющие дело с натурально-вещественными элементами производства, конструкцией машин и механизмов, технологией производства, применением законов естествознания в процессе производства материальных благ.

Но было бы неверно на этом основании относить производительные силы к технике. Техника входит в производительные силы, но состав производительных сил, как мы видели, ею не исчерпывается. Рабочая сила — не техника, ее нельзя выразить, измерить с помощью физико-технических показателей, ее нельзя свести к биологическому явлению. В. И. Ленин, критикуя немарксистскую точку зрения Н. Бухарина, специально обращал

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 7.

внимание на то, что именно рабочая сила исключает трактовку производительных сил как чисто технической категории [1].

Люди производят материальные блага для удовлетворения своих потребностей; поэтому производство всегда в конечном счете служит потреблению.

Необходимо различать личное и производственное потребление. В производственном потреблении используются средства производства и рабочая сила, оно относится к самому производству. Следовательно, производственное потребление есть производство. Напротив, в личном потреблении используются продукты, предназначенные для удовлетворения индивидуальных материальных и культурных потребностей людей.

Между производством (в котором функционируют производительные силы) и личным потреблением существует тесная связь и взаимообусловленность. Производство, во-первых, создает предмет потребления, без которого не может быть потребления; во-вторых, определяет способ потребления. «Голод есть голод, — говорит К. Маркс, — однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов» [2]. Производство, в-третьих, порождает потребность в произведенных продуктах или создает импульс потребления.

Со своей стороны, личное потребление, во-первых, дает завершение продукту, потому что продукт, не используемый в потреблении, теряет свое свойство полезной для потребления вещи; во-вторых, непрерывно воспроизводит потребность в продуктах и ставит тем самым цель перед производством в создании как прежних, так и новых видов продуктов. Следовательно, «без производства нет потребления, однако и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно» [3].

Во взаимной обусловленности производства и личного потребления ведущая, определяющая роль принадлежит производству. Цель, которую ставит потребление перед производством, в конечном счете порождена всем достигнутым уровнем производства, удовлетворением потребностей, обеспеченных производством, и теми тенденциями, которые наметились в развитии производительных сил. Конечно, «потребности», стоящие на грани беспочвенной фантастики, здесь непричем.

Таковы общие связи между производством и личным потреблением, существующие на протяжении всей истории человечества.

---

[1] См. Ленинский сборник, т. XI, стр. 371.

[2] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 203.

[3] Там же, стр. 202.

* * *

Производство есть не только отношение людей к природе. Его другую сторону составляют отношения людей, в которые они вступают друг к другу в процессе воздействия на природу, или производственные отношения.

«В производстве, — говорит К. Маркс, — люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»[1].

Через посредство этих же общественных связей и отношений имеет место также личное потребление и связь между ним и производством, о которой говорилось выше.

Производство обособленного от общества человека есть фантазия буржуазных экономистов. Человек может добывать средства к жизни только в обществе и посредством общества. Производство средств к жизни вне общества — такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой людей.

Люди ведут борьбу с природой, трудятся и производят материальные блага не изолированно друг от друга, не в одиночку, как «робинзоны», а сообща, группами, обществами. Поэтому производство всегда и при всех условиях есть общественное производство.

Истории известны первобытнообщинные, рабовладельческие, феодальные, капиталистические и социалистические производственные отношения. Это — основные типы (формы) производственных отношений, или экономические отношения, в рамках которых функционируют производительные силы общества.

Но каковы бы ни были исторические типы производственных отношений, т. е. экономические отношения, люди участвуют в совместной деятельности по овладению силами природы и обмениваются своей деятельностью в процессе производства материальных благ.

Совместная производственная деятельность людей может совершаться двумя путями.

Во-первых, путем прямого участия производителей материальных благ в кооперативном, коллективном процессе труда. Эта форма труда известна человечеству уже давно.

Первобытные охотники, располагавшие примитивным оружием, объединялись в отряды, чтобы общими силами преследовать зверя. Грандиозные памятники рабовладельческой эпохи—

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1948, стр. 63.

пирамиды, ирригационные системы, здания, поражающие своим великолепием, гениальностью зодческой мысли, совершенством архитектурных форм, созданы тяжелым, изнурительным трудом многих тысяч рабов. На барщине в хозяйстве феодала (помещика) трудились большие группы крепостных крестьян. Мелкое крестьянское хозяйство, как правило, всегда велось и ведется совместными силами членов семьи. На фабриках и заводах в производительном труде участвуют рабочие, инженеры, техники, объединенные в целый производственный организм, без которого невозможно управлять системой машин. При социализме не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве создаются крупные производственные единицы. На месте мелких крестьянских хозяйств возникли колхозы и совхозы, где сообща работают труженики социалистического общества. На стройках заняты многотысячные коллективы рабочих, инженеров и служащих. Кооперативные связи при социализме объединяют различные отрасли народного хозяйства и предприятия в одно целое.

«Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собою процессах труда, называется кооперацией»[1].

В кооперации труд производителей носит непосредственно общественный характер, выступает прямо как общественный труд.

Во-вторых. Совместная деятельность исторически совершается и иным способом, также придающим труду характер общественного труда, но не столь очевидно и явно, как в кооперации, а при определенных условиях скрыто от самих производителей.

С развитием производительных сил труд все более дифференцировался, специализировался. Складывалась система общественного разделения труда. Известную роль в этом, особенно на ранних ступенях развития общества, сыграли естественные условия. Приспосабливаясь к изготовлению какого-нибудь продукта или к определенным трудовым операциям, совершенствуя свои навыки в одном направлении, производители достигали большего эффекта, чем при неразделенном труде. В современном производстве разделение труда представляет из себя сложную разветвленную систему отраслей и предприятий. Внутри предприятий существует особый вид разделения труда — между самими рабочими и инженерно-техническим персоналом.

Однако разделение труда — это такая специализация производителей материальных благ, которая предполагает обмен деятельностью между ними. Нельзя говорить о разделении труда там, где нет обмена деятельностей. Землепашец и скотовод, не связанные друг с другом как производитель и потребитель, не включены и в разделение труда.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 331

Обмен деятельностью, по словам К. Маркса, «совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его сущность»[1]. Внутри предприятия обмен деятельностей совершается между рабочими, между рабочими и инженерно-техническими работниками путем прямого участия в производстве продуктов. Но между работниками разных отраслей производства, например, между машиностроителями и текстильщиками, между пищевиками и мебельщиками обмен деятельностью осуществляется иначе — посредством движения продуктов из одной отрасли в другую, от одного предприятия к другому. Этот способ обмена деятельностью К. Маркс называет «обменом продуктов». (Его не следует смешивать с «обменом товаров», являющимся особой исторической формой обмена.)

Где же происходит этот вид обмена деятельностью — в самом производстве или вне его?

Производство, которое представляет собою органическую совокупность отраслей, предприятий, хозяйств, связанных разделением труда, нельзя, конечно, рассматривать только с позиций отдельного предприятия и тем более отдельного работника. Если предприятия поставляют друг другу средства труда или сырье, то процесс изготовления продуктов, начатый на одном предприятии, продолжается на других, и, следовательно, обмен деятельностей в этом случае целиком остается моментом самого производства, рассматриваемого с общественной точки зрения.

Напротив, готовый продукт, предназначенный для использования в личном потреблении, выпадает из сферы самого производства, связывает производство с личным потреблением. В этом случае обмен деятельностей, например, между пищевиками и текстильщиками, опосредован их личным потреблением: пищевики потребляют текстиль, текстильщики — продукты питания. Или же обмен деятельностей может быть частью опосредован личным потреблением. Например, машиностроители поставляют мебельщикам средства производства, а мебельщики машиностроителям — мебель для личного потребления. Ясно, что в таких случаях мы не можем сказать, что обмен деятельностью всецело совершается в самом производстве, потому что личное потребление и производство — не одно и то же.

Аналогично обстоит дело и с распределением, которое существует при всех исторических формах производственных отношений.

Прежде всего, распределение содержится в самом разделении труда: средства производства и производители распределены по родам деятельности. Это распределение входит в самое производство и обусловливает другое — распределение готовых продуктов, состоящих из средств производства и предметов потреб-

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 211.

ления. Средства производства направляются в производственное потребление, поэтому их распределение есть также элемент производства. Напротив, распределение предметов потребления связывает производство с личным потреблением.

Таким образом, обмен и распределение лишь в той части выходят из производства, в какой они имеют дело с предметами личного потребления.

Однако между производством и личным потреблением марксистская политическая экономия устанавливает не только различия, рассмотренные выше, но и общность. Личное потребление тоже является «производством», «производством» важнейшего элемента производительных сил — человека. Потребляя продукты питания, предметы бытового назначения, духовные блага, эстетические ценности, человек восстанавливает свои физические и умственные способности, развивает их.

Конечно, личное потребление есть производство иного рода, чем производство продуктов. Эти два рода производства надо различать. В противном случае мы попали бы в трагикомическое положение: условие роста общественного богатства оказалось бы в равной мере как на стороне производства, так и на стороне личного потребления, а функция личного потребления — производительной функцией. Однако, если производство создает продукты — средства производства и предметы потребления, то личное потребление является условием функционирования субъективного фактора производства — рабочей силы.

Если, следовательно, рассматривать общественное производство как процесс, непрерывно повторяющийся и воссоздающий сам условия (предпосылки) своего собственного функционирования (средства производства и рабочую силу), то производство в целом выступит как единство производства продуктов и личного потребления. Поэтому и различия между производством и личным потреблением существуют не между обособленными друг от друга сферами, а внутри производства как единого целого.

Отсюда следует и разграничение двух понятий: «непосредственное производство» и «производство в целом».

Непосредственное производство есть: а) производство продуктов, а не личное потребление, б) производство в «односторонней форме» (термин К. Маркса), потому что прямо оно не создает всех условий своего повторения.

Производство в целом, или общественное воспроизводство, есть единство производства и личного потребления, а, следовательно, и единство производства, обмена, распределения и потребления. Производство в этом единстве играет главенствующую роль: с него всякий раз начинается процесс воспроизводства (т. е. непрерывный процесс производства), оно определяет все другие моменты этого процесса.

Исторически определенные производственные, или экономические, отношения — первобытнообщинные, рабовладельческие, фео-

дальные, капиталистические и социалистические — складываются в связи и по поводу производства, обмена, распределения и потребления. Эти отношения образуют экономический строй общества на различных ступенях его развития и придают общественному производству специфический исторический характер, или определенную общественную форму.

Первобытнообщинные и социалистические производственные отношения исключают эксплуатацию человека человеком. Здесь непосредственные производители вступают в отношения взаимной помощи и товарищеского сотрудничества по производству материальных благ. Напротив, рабовладельческие, феодальные и капиталистические производственные отношения характерны господством отдельных лиц — рабовладельцев, феодалов, капиталистов — над непосредственными производителями — рабами, крепостными крестьянами, наемными рабочими. Эти производственные отношения глубоко антагонистичны по своей природе, являются отношениями враждебных классов — эксплуататоров и эксплуатируемых. Следовательно, в производственные отношения здесь вступают не только трудящиеся, но и нетрудящиеся, которые подчиняют производство своим ингересам. Поэтому общественный труд в этих обществах носит характер принудительного труда.

Характер, природа тех или иных экономических отношений определяются формой собственности на средства прсизводства. «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям, — писал К. Маркс, — ...вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя»...[1]

Что же такое собственность на средства производства?

Марксистская политическая экономия не смешивает собственность как экономическое отношение с правом собственности. Право собственности есть оформление экономических отношений в юридических законах и нормах, устанавливаемых государством. Причем право собственности, возникшее в определенную историческую эпоху, может быть сохранено и при других исторических условиях. Так, например, римское право частной собственности, обслуживавшее рабовладельческое общество, было использовано в средние века, а в измененном виде и буржуазными государствами. Право частной собственности объявлено в буржуазных конституциях «священным и неприкосновенным». Оно обслуживает буржуазное общество, узаконивает эксплуатацию рабочего класса и всех трудящихся со стороны капиталистов. Формально все члены капиталистического общества могут использовать право частной собственности, на деле же экономические отношения исключают это. Фактически право частной собственности при капитализме означает лишение боль-

[1] К. Маркс. Капитал, т. 3. Госполитиздат, 1950, стр. 804.

шинства трудящегося населения средств производства и является «удобной» формой, прикрывающей и закрепляющей отношения эксплуатации.

В отличие от экономического отношения, складывающегося в самом материальном производстве, право собственности есть волевое отношение людей к вещам как к своим. Это отношение легче воспринимается сознанием, чем экономическое отношение, лежащее в основе первого, и нередко смешивается с ним. Однако К. Маркс указывал, что понятие собственности в экономическом смысле может раскрыть только анализ политической экономии, «...обнимающей совокупность этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений,* а в их реальной форме, т. е. как *производственных отношений*»[1].

Собственность на средства производства как экономическое отношение характеризуется несколькими чертами.

Прежде всего — это особая общественная форма распределения средств производства между различными социальными группами, при которой работники либо отделены от средств производства (лишены собственности на средства производства), либо экономически соединены со средствами производства (являются собственниками средств производства). Речь, стало быть, идет не о распределении средств производства по родам трудовой деятельности (разделение труда), а о таком отношении между людьми по поводу средств производства, при котором средства производства либо монополизируются частью членов общества, либо все члены общества являются общественными собственниками средств производства.

Раб не владел никакими средствами производства. Крепостной крестьянин был прикреплен к земле, являвшейся собственностью феодалов и находившейся частью в пользовании крестьян. На другой части земли феодала велось барское хозяйство. Наемный рабочий при капитализме лишен средств производства, принадлежащих капиталисту. «...Масса народа, рабочие, как неимущие, — писал К. Маркс о капиталистической собственности, — противостоят неработающим, как собственникам средств производства»[2]. Сущность дела, подчеркивал далее К. Маркс, лежащая в основе экономического отношения между рабочим и капиталистом, есть «распределение элементов самого производства, причем предметные факторы концентрируются на одной стороне, рабочая же сила, изолированная от них, — на другой»[3].

Следовательно, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая формы частной собственности характеризуются прежде всего различными способами отделения производителей от

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 153—154.

[2] К. Маркс. Капитал, т. 2, Госполитиздат, 1950, стр. 28.

[3] Там же, стр. 29.

средств производства. Эти формы собственности носят классовый характер, являются отношениями антагонистических классов.

Этого нельзя сказать по поводу мелкой частной собственности, встречающейся в различных формациях. Ее существо состоит в соединении мелкого производителя со средствами производства. Средневековый ремесленник, например, «срастался со своими средствами производства, — говорит К. Маркс, — настолько же тесно, как улитка с раковиной»...[1]. Но «прочность», «устойчивость» мелкой частной собственности весьма относительна; она рушится под ударами конкурентной борьбы, под воздействием технического прогресса.

Общественная собственность не знает отделения производителей от средств производства: их соединение является ее исходной характеристикой, коренной чертой. Поэтому общественная собственность на средства производства исключает эксплуатацию человека человеком. Она означает экономическое равноправие членов общества или коллективов трудящихся по поводу средств производства, принадлежащих всему обществу или отдельным коллективам. Общественная собственность порождает товарищеское сотрудничество и взаимную помощь участников производства. При социализме общественная собственность сохраняет классовые черты, но она является отношением не антагонистических, а двух дружественных классов — рабочих и крестьян.

Как производственное отношение собственность на средства производства не существует где-то вне производства. Поэтому отделение работников от средств производства, которое типично для рабовладельческой, феодальной и капиталистической форм собственности, не может исчерпать их полной характеристики. Оно всегда получает реальное выражение в том способе, каким при данных условиях производители соединяются со средствами производства, чтобы включиться в процесс труда. Этот способ (форма) раскрывает сущность господствующих отношений собственности, является их дальнейшей характеристикой, важнейшей чертой экономического строя. «Каковы бы ни были общественные формы производства, — пишет К. Маркс, — рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одни от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности... Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи общественного строя»[2].

Раб, лишенный средств производства, сам являлся объектом собственности рабовладельца. Экономический (а не юридический) смысл этого отношения состоял в том, что раб путем неприкрытого насилия принуждался к труду. Этим способом он

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 366.
[2] К. Маркс. Капитал, т. 2. Госполитиздат, 1950, стр. 32.

и соединялся со средствами производства, вступал в экономическое отношение к рабовладельцу как исторически определенная фигура производителя материальных благ. Такой способ соединения работника со средствами производства является специфической чертой рабовладельческой собственности, при которой не только средства производства, но и сами производители — рабы принадлежали отдельным лицам.

В отличие от раба крепостной крестьянин вел самостоятельное хозяйство на земле феодала, являясь собственником некоторых средств производства. Поэтому сущность феодальной собственности на средства производства состоит не только в том, что феодал был монополистом земли, но и в том, что крепостной крестьянин пользовался землей. Его прикрепление к части земли феодала сопровождалось внеэкономическим, насильственным принуждением к труду в хозяйстве феодала и насильственным отчуждением части продукта, созданного в крестьянском хозяйстве. Такой способ соединения крепостного крестьянина с землей был единственным средством заставить его работать на феодала. «Во всех формах, — писал К. Маркс, — при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения» [1].

Особый способ соединения работников со средствами производства отличает и капиталистическую собственность. Отделение рабочих от средств производства само по себе еще не выражает ее специфики, потому что раб, например, тоже был лишен средств производства. Характерная особенность капиталистической собственности заключается в том, что наемный рабочий юридически свободен как личность, является собственником своей рабочей силы и вступает в экономическое отношение к капиталисту как продавец товара рабочая сила. Таким путем рабочая сила соединяется со средствами производства.

Следовательно, для рабовладельческой, феодальной и капиталистической собственности на средства производства типичны как отделение производителей от средств производства, так и особые формы их соединения.

Итак, под собственностью на средства производства марксизм подразумевает форму (способ, порядок) распределения средств производства между людьми, между социальными группами, выступающую при определенных исторических условиях как отношение классов. Эта форма распределения в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществе всегда характеризуется отделением работников от средств производства, монополией отдельных лиц на средства производства.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. 3. Госполитиздат, 1950, стр. 803.

Общим же признаком для всех типов собственности, известных истории, является специфический способ соединения работников со средствами производства.

По отношению к самому производству собственность на средства производства выступает как его экономическая форма.

Производя материальные блага, люди «присваивают» предметы природы, преобразуют их в полезную форму, в том числе и в средства производства. Но это присвоение (производство) всегда осуществляется при определенных общественных, экономических отношениях—отношениях собственности. «Всякое производство, — писал К. Маркс, — есть присвоение индивидуумом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы»[1]. Собственность и есть *исторически определенная общественная форма присвоения*, которая определяет социально-экономический характер производства, его общественный строй.

Какова собственность на средства производства, такова и собственность на продукты производства. Кто распоряжается средствами производства, тот присваивает и плоды труда независимо от того, трудился он сам или нет. Присваивая же продукты производства, в том числе и средства производства, собственник по-прежнему располагает всеми условиями для того, чтобы продолжать производство. Здесь, как мы видим, существует тесное взаимодействие. Через присвоение продуктов восстанавливается, сохраняется господствующее экономическое отношение — собственность на средства производства. Производство продолжает функционировать в прежней экономической (общественной) форме.

В силу этого вопрос о том, какова форма присвоения продуктов в данном обществе, является далеко не второстепенным вопросом для характеристики экономического строя. Особенно ярко сущность этого строя проявляется в форме присвоения *прибавочного продукта*, т. е. той части продукта, которая превышает необходимый продукт, идущий в личное потребление самих производителей. Отчуждение прибавочного продукта, созданного прибавочным трудом, в пользу эксплуататоров — коренная черта всех антагонистических обществ. «Только та форма, — говорит К. Маркс, — в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества»[2]...

Рабовладелец получает прибавочный продукт, который создан трудом рабов. Феодал присваивает прибавочный продукт в виде феодальной земельной ренты, произведенной крепостными крестьянами. Капиталист присваивает прибавочную стоимость, извлеченную путем эксплуатации наемных рабочих. По-

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 198.

[2] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 223.

этому мы можем характеризовать, например, феодальное производство как производство феодальной ренты, капиталистическое производство — как производство прибавочной стоимости. Такова их экономическая сущность, выраженная в форме присвоения прибавочного продукта. В социалистическом обществе, по словам В. И. Ленина, «*прибав[очный] продукт* идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им»[1]. А это как раз и означает, что работники социалистического производства экономически равноправны в отношении средств производства и, следовательно, свободны от эксплуатации.

Экономические отношения между людьми складываются не только по поводу средств производства в самом производстве и не только по поводу продуктов по окончании процесса производства. Они складываются также в связи с движением продуктов путем их обмена и распределения. Форма собственности на средства производства определяет формы обмена и распределения продуктов. Какова форма производства, таковы и формы обмена и распределения продуктов. Все они входят в совокупность экономических отношений, в состав экономического строя общества на данной ступени его развития.

Таким образом, в экономические отношения данного общества входят исторические, социально-обусловленные формы: кооперации труда (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистическая), разделения труда (товарно-стихийное капиталистическое или планомерное социалистическое и т. д.), обмена деятельностью, распределения продуктов и личного потребления.

В антагонистических формациях вся совокупность этих отношений является классово-враждебным отношением, т. е. отношением антагонистических социальных групп. Чтобы раскрыть экономическое содержание классов, необходимо обратиться ко всей совокупности этих отношений.

Однако не всегда указанные выше исторические, социально-обусловленные формы элементов общественного производства отличаются друг от друга известной самостоятельностью. Например, личное потребление обыкновенно не упоминается в составе экономических отношений, потому что в данных исторических условиях оно всецело определяется совокупностью отношений производства, обмена и распределения продуктов. В силу этого общая связь между производством и потреблением получает всегда конкретное проявление, зависящее от экономического строя. Распределительные экономические отношения по поводу продуктов являются, выражаясь словами К. Маркса, по существу «оборотной стороной» отношений самого производства, но они обладают некоторой спецификой в отличие от последних. Что же касается экономической формы обмена, то она имеет специфические чер-

[1] Ленинский сборник, т. XI, стр. 382.

ты, отличные от формы производства и формы распределения, только в условиях товарного производства. Поскольку же товарное производство возникло в период разложения первобытнообщинного строя, существовало в рабовладельческом и феодальном обществе, достигло вершины в своем развитии при капитализме и сохраняется при социализме, обмен товаров известен почти всем историческим эпохам; он исчезнет лишь на высшей фазе коммунистического общества.

Исходя из этого, в числе экономических отношений, встречающихся во всех формациях, в литературе обычно называют лишь «производство» и «распределение». Но это, конечно, не означает, что из совокупности экономических отношений исключены все остальные моменты общественного производства. Речь идет, повторяем, лишь о сокращенной формуле, берущей во внимание типичное для всей экономической истории производства. Понятно, всякое сокращение имеет свои достоинства и недостатки.

Но почему в совокупности экономических отношений не названа собственность на средства производства и на продукты, определяющая, как было показано выше, характер всего экономического строя?

Это вытекает из того, что собственность на средства производства составляет экономическую форму производства. Поэтому называть собственность на средства производства рядом с экономическими отношениями производства было бы тавтологией. Следовательно, было бы тавтологией называть ее и рядом с экономическими формами совместной деятельности. Можно, конечно, определить сокращенно состав экономических отношений, назвав а) собственность на средства производства и б) зависящие от нее формы распределения продуктов. Но что такое определенная экономическая форма распределения продуктов? Это — особая форма их присвоения, их принадлежности определенным социальным группам, т. е. один из элементов собственности на продукты, понимаемой в экономическом смысле. Получая заработную плату, наемный рабочий участвует особым образом в распределении продуктов; покупая предметы потребления (т. е. обменивая деньги на продукты), он присваивает средства своего существования. Для капиталиста прибыль является ни чем иным, как определенным способом присвоения прибавочного продукта и т. д.

Производство, обмен, распределение продуктов суть особые виды присвоения.

Таким образом, собственность на средства производства и на продукты мы должны рассматривать не как частное отношение в ряду других экономических отношений данного общества, а как отношение, проявляющееся в совокупности экономических форм производства, обмена и распределения продуктов. Эти отношения выражают всю специфику экономической структуры общества в целом как совокупности производственных отношений данного историко-экономического типа.

Трактовка собственности как категории, раскрывающейся в сумме всех остальных экономических категорий, как формы производства, обмена и распределения продуктов является важнейшим методологическим положением марксистской политической экономии. Такому пониманию собственности К. Маркс придавал исключительно важное значение. «...Определить буржуазную собственность, — писал он в «Нищете философии», — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства» [1]. Критикуя мелкобуржуазного экономиста Прудона за то, что тот рассматривал буржуазную собственность как отдельное, частное отношение, К. Маркс отмечал в письме к П. Анненкову: «Определяя собственность как независимое отношение, г. Прудон совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает свое непонимание той связи, которая соединяет все формы *буржуазного* производства» [2]. В предисловии «К критике политической экономии», где сформулированы основные принципы исторического материализма, К. Маркс прямо называет отношениями собственности совокупность производственных отношений, экономическую структуру общества. В «Капитале» он конкретно показал, в чем состоит сущность капиталистической собственности. Этому посвящены все три тома его великого произведения, где излагается теория капиталистического производства в целом.

* * *

Между производительными силами и производственными отношениями существует неразрывная внутренняя связь и взаимодействие. Производственные отношения являются таким же неотъемлемым элементом общественного производства, как и производительные силы. Люди не могут осуществлять производство материальных благ, не могут взаимодействовать с природой, не вступая в определенные производственные отношения друг с другом. Только внутри и посредством этих отношений они используют средства труда для преобразования вещества природы в продукт.

Производительные силы и производственные отношения являются двумя разными сторонами производства, находящимися в глубоком единстве. В чем же состоит это единство?

а) Чтобы выступить в качестве производительных сил, средства производства и люди должны соединиться друг с другом в процессе труда. Но это соединение (процесс труда) зависит от того, являются ли непосредственные производители собственниками средств производства или нет. Иначе говоря, какова собственность на средства производства, такова и форма (способ) сое-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 168.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 27.

динения работников и средств производства. Следовательно, непременным условием того, чтобы работники и средства производства выступили в качестве производительных сил, является экономическое отношение. С другой стороны, экономические отношения не существуют вне производительных сил. Без средств производства, по поводу которых складываются экономические отношения, и без работников, которые являются участниками экономических отношений, последние никогда не существовали и существовать не могут. Экономическое отношение имеет свой объект (так называемое «вещественное содержание») и своих субъектов, среди которых обязательно должны быть непосредственные производители материальных благ.

Производительные силы и экономические отношения не оторваны друг от друга. Производительные силы своеобразно представлены в экономических отношениях, которые служат особой общественной, экономической формой существования производительных сил. Это хорошо видно на примере, скажем, отношения капиталистов и наемных рабочих. Наемный рабочий — основная производительная сила буржуазного общества. Он отделен от средств производства, которые принадлежат капиталисту. Следовательно, элементы производительных сил полярно разобщены, работник выступает как наемный рабочий, а средства производства персонифицированы в лице капиталиста. Если у наемного рабочего «отнять» качество основной производительной силы, а капиталиста «лишить» средств производства, то экономического отношения между наемным рабочим и капиталистом существовать не может.

Однако в экономических отношениях производительные силы представлены не в том виде, не с той стороны, с какой их изучают технические и естественные науки. Напротив, в экономических отношениях производительные силы выступают особым образом, в социально-экономическом выражении. Здесь мы видим, например, не просто работников производства, обладающих способностью к труду, а рабов, крепостных крестьян, наемных рабочих, тружеников социалистического производства. Здесь средства производства выступают не просто как техника, а, например, как капитал, т. е. как производительная сила, отчужденная от наемных рабочих, или, напротив, как объект общественной собственности.

Таким образом, производительные силы функционируют в форме экономических отношений, а экономические отношения являются специфической формой существования и развития производительных сил. Такое единство в марксистско-ленинской политической экономии принято называть **способом производства**.

Не следует упрощенно понимать «способ производства» как механическую сумму производительных сил и производственных отношений. Этот термин обозначает, что производительные си-

лы существуют в определенной социально-экономической форме, а не вообще, что поэтому они характеризуются социально-экономически и что, с другой стороны, производственные отношения, являясь формой производительных сил, не висят в воздухе, а содержат в себе производительные силы как своих материальных «носителей», или как свои объекты [1].

б) Однако единство производительных сил и производственных отношений не означает их тождества, их взаимного поглощения. Внутри единства между ними сохраняется различие, в силу которого производительные силы и производственные отношения могут взаимодействовать, т. е. влиять друг на друга в процессе развития. Положение о взаимодействии производительных сил и производственных отношений составляет одно из центральных положений материалистической диалектики, примененной к познанию общества, т. е. исторического материализма.

К. Маркс открыл закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, сформулированный им подробно в предисловии «К критике политической экономии» (1859 г.). «В общественном производстве своей жизни, — писал он, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил». Каковы производительные силы, прежде всего средства труда, — таковы и производственные отношения. Лук и стрела, копье и нож требуют первобытнообщинной организации общества. Рабство возникает на более высокой ступени развития производительных сил, когда на основе перехода к средствам труда, сделанным из железа, к скотоводству и земледелию, появилась возможность получения прибавочного продукта. Феодальное общество покоится на более развитых производительных силах. Капитализм соответствует эпохе возникающей и развивающейся машинной индустрии. «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном (феодалом. —

---

[1] Небесполезно заметить, что в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса термин «способ производства» употребляется в двояком смысле. С одной стороны, они говорят о способе производства, подразумевая только производительные силы как таковые. В «Капитале», например, К. Маркс часто говорит об изменениях в способе производства, ведущих к изменению производственных отношений. С другой стороны, под способом производства основоположники марксизма понимают социальную форму производительных сил в виде единства производительных сил и производственных отношений. Определяя, например, предмет «Капитала», К. Маркс пишет, что он исследует «капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» («Капитал», т. I, 1949, стр. 4). В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса можно встретить применение термина «способ производства» как в первом, так и во втором смысле. Так, например, он говорит о противоречии между способом производства и его капиталистическим характером (стр. 254, изд. 1948) и здесь же говорит о конфликте между производительными силами и способом производства (стр. 252—253).

В. Ч.) во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»[1].

Соответствие производственных отношений характеру производительных сил не исключает, а, наоборот, предполагает и противоречие между ними. Производство никогда не стоит на месте. Ведущим, наиболее революционным, определяющим элементом в его развитии являются производительные силы. Сначала изменяются производительные силы, а затем вслед за ними происходят изменения в производственных отношениях.

Однако зависимость производственных отношений от развития производительных сил не означает, что они остаются пассивными по отношению к развитию производительных сил.

Производственные отношения, складываясь в соответствии с уровнем развития производительных сил, в свою очередь, активно воздействуют на производительные силы. Вначале они способствуют развитию производительных сил, открывают простор для их роста, являются их главным двигателем. Но затем существующие производственные отношения превращаются в тормоз дальнейшего развития производительных сил. Последние перерастают узкие исторические границы общественного строя, в рамках которого они развились. В производстве назревает конфликт между производительными силами и производственными отношениями, являющийся материальной основой социальных революций в классовых антагонистических формациях. На смену устаревшим производственным отношениям приходят новые.

Не следует, однако, конфликт между производительными силами и производственными отношениями понимать как прямой конфликт между «вещами» (средствами труда) и общественными отношениями. Не «вещи» восстают против устаревшего общественного строя, а классы, группы людей выступают за свержение одряхлевших производственных отношений. В классовой борьбе противоречие производительных сил и производственных отношений получает непосредственное выражение. Лишь в конечном счете это противоречие является противоречием между развитием средств труда и экономическим строем общества.

При социализме противоречие производительных сил и производственных отношений не может вырасти до конфликта. Общество в лице своих руководящих и планирующих органов способно своевременно обнаружить назревающее противоречие и планомерно разрешить его путем изменений в производственных отношениях.

Революционная смена старых производственных отношений новыми, соответствующими достигнутому уровню производительных сил, не замыкается, однако, рамками производства. Вслед за переворотом в экономическом базисе, в произ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 133.

водственных отношениях, происходит переворот и во всей громадной надстройке, соответствующей этому базису. Рушится старый государственный строй, изменяется характер политических и юридических институтов, побеждают новые политические и правовые воззрения, переживают кризис прежние философские взгляды. В результате переворотов в производстве и соответствующих им переворотов в надстроечных общественных отношениях (политика, право, философия и т. д. вместе с обслуживающими их учреждениями) складывается определенная общественно-экономическая формация, общество на данной ступени его развития. Общественно-экономическая формация характеризуется определенным уровнем развития производительных сил, совокупностью определенных производственных, бытовых и семейных отношений, различными формами общественного сознания и другими надстроечными явлениями (отношениями). В общественно-экономической формации представлена многосторонняя материальная и духовная культура общества на данной ступени его развития.

3. Экономические законы развития общества и их объективный характер

Марксизм-ленинизм рассматривает развитие общества как естественноисторический процесс, управляемый объективными, т. е. не зависящими от воли людей, законами. В основе развития общества лежит развитие производительных сил и производственных отношений. Закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, действующий на протяжении всех формаций, как раз и показывает, что производственные отношения, складываясь в зависимости от производительных сил, не могут быть произвольно установлены людьми.

Следовательно, вопрос об объективном характере развития производственных отношений нельзя подменять вопросом о том, сознают или не сознают люди, изменяющие производственные отношения, направление своих собственных действий. Результаты их совместных, т. е. общественных, действий, направленных на изменение существующих производственных отношений, обусловлены в конечном счете объективными предпосылками — возросшим уровнем производительных сил и устаревшими производственными отношениями, которые сковывают развитие производительных сил общества. Люди объективно выступают в роли «исполнителей» назревших задач, вытекающих из результатов их предшествующей материальной деятельности. «Обстоятельства, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства»[1].

Следовательно, политическая экономия, изучающая производ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 37.

ственные отношения, имеет дело с объектом, развивающимся независимо от воли людей.

Какую же цель преследует политическая экономия?

Производственные отношения чрезвычайно многообразны в своих проявлениях. Но регистрацией и описанием отдельных фактов никакая наука, в том числе и политическая экономия, не может ограничиться. Наука идет от явления к сущности, к главным, типическим чертам явлений, обобщенно отражая изучаемый объект в своих категориях. Одним из видов категорий являются законы науки. Политическая экономия в экономических категориях и экономических законах (законах политической экономии) отражает объективные типические черты производственных отношений.

Какими же признаками характеризуются экономические законы?

Эти признаки можно объединить в две группы. Прежде всего, экономическим законам свойственны черты, общие всем законам материального мира, в том числе и законам естествознания. Исчерпывающая характеристика понятию «закон» дана в «Философских тетрадях» В. И. Ленина.

1) «*Закон* и *сущность*, — писал В. И. Ленин, — понятия однопородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира»...[1]. Следовательно, познание явлений, проникновение в их сущность есть открытие закона движения этих явлений. Так, сущность механического движения материального мира отражена в знаменитых законах Ньютона; сущность исторического развития общественного производства — в законе соответствия производственных отношений характеру производительных сил, открытом К. Марксом; сущность капиталистического производства — эксплуатация наемных рабочих в интересах капиталистов — воплощена в законе прибавочной стоимости, также открытом К. Марксом.

2) «Закон есть *отношение*»[2]. Он выражает связь между явлениями, но не всякую связь, а существенную. Закон, по словам В. И. Ленина, есть «отношение *сущностей* или между сущностями»[3]. В качестве такой связи чаще всего выступает причинная зависимость одного явления от другого. Например, рост производительных сил ведет к изменениям производственных отношений, удлинение рабочего дня при капитализме является причиной увеличения абсолютной прибавочной стоимости, повышение производительности труда при социализме служит реальным фактором роста заработной платы рабочих. Но причинность не охватывает всех существенных связей и взаимозависимостей

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради. 1933, стр. 148.
[2] Там же, стр. 150.
[3] Там же.

объективного мира. Имеются более глубокие существенные связи, например, отношения между формой и содержанием между общим и специфическим, которые также содержатся в законе. Самым важным признаком закона является необходимость. Закон есть необходимая существенная связь между явлениями, означающая неизбежность наступления тех или иных событий. Закон нельзя отменить по воле людей, уничтожить, если сохраняются условия, при которых он возникает и действует.

3) «Закон есть прочное (остающееся) в явлении»[1], — отмечает В. И. Ленин. «(Закон идентичное в явлении)»[2]. «Закон= спокойное отражение явлений»[3].

Это значит, что закон выражается в устойчивости и повторяемости явлений, выступает как типическое во многообразии однородных явлений.

Если, например, в годы второй мировой войны в США в значительной мере рассосалась безработица за счет призыва масс безработных в армию и на военное производство, то это не является законом. Современному капитализму присуща хроническая безработица. В начале 1959 г. в США насчитывалось около 5 миллионов полностью безработных. В этом проявляется один из законов современного капитализма. Закон выражает устойчивое отношение в явлениях, охватывает большой круг явлений и большие периоды времени.

4) «Закон берет спокойное — и поэтому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен»[4]. «(Явление *богаче* закона)»[5].

Будучи существенной чертой явлений, закон не может отражать всего многообразия действительности, всех конкретных фактов, всех цветов и красок явления. Таковы законы естественных наук, таковы же законы и политической экономии. Выделить закон в чистом виде можно только постановкой эксперимента или силою абстрактного мышления, которое способно отвлечься от второстепенного, несущественного, неглавного.

Чтобы определить величину ускорения свободно падающего тела, физик должен создать условия, при которых устранены все побочные обстоятельства: он выкачивает воздух из сосуда и в нем ставит опыт. Политическая экономия в отличие от естественных наук не может использовать эксперимент как орудие познания. Политическая экономия не может создать лабораторным путем образец тех или иных производственных отношений. Она не может также «организовать» какой-либо экономический строй на «подопытном» участке земного шара. В ее распоряжении остается только сила абстрактно-теоретического мышления.

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, 1933, стр. 147.
[2] Там же, стр. 148.
[3] Там же, стр. 148.
[4] Там же, стр. 148.
[5] Там же, стр. 149.

Но это не значит, что закон порожден сознанием. Он присущ самим явлениям непосредственной действительности, существует в явлениях. Закон есть собственный момент явлений. Его нельзя оторвать от явлений. Он выражает их какую-то общую внутреннюю природу и развертывается в массе явлений. Только с целью познания наука может «выделить» объективный закон, достигая глубин в понимании происходящих процессов.

5) Однако, выражая существенное в явлениях, закон богаче явления по своему содержанию и в этом смысле полнее отражает действительность, «Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., — говорил В. И. Ленин, — одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[1].

В явлениях истинная сущность процесса может быть скрыта от глаз наблюдателя и даже извращена. Мы наблюдаем, например, движение солнца по небосклону и не видим вращения земли вокруг своей оси, но астрономия доказывает факт этого вращения. При капитализме, например, объективно существует видимость оплаты капиталистом затраченного труда рабочего в течение, скажем, недели или месяца. Однако сущность этого внешнего проявления иная: рабочий продает капиталисту не труд, а рабочую силу и получает поэтому от капиталиста не весь созданный им продукт, а только часть его, созданную в течение части рабочего времени. Таков закон капитализма, который глубже, полнее выражает отношения между капиталистом и рабочим, чем внешние явления, характеризующие эти отношения (оплата труда в форме заработной платы).

Итак, можно сказать, что экономические законы выражают сущность экономических явлений и процессов, необходимые причинные связи и зависимости, которые проявляются в устойчивости, повторяемости явлений экономической жизни общества.

Вместе с тем экономические законы отличаются рядом особенностей.

Политическая экономия имеет дело с общественно-производственными отношениями, участниками которых являются люди, одаренные сознанием и ставящие перед собой определенные цели. Следовательно, политическая экономия стремится открыть закон общественно-производственный деятельности людей. И это обстоятельство иногда затрудняет конкретное представление об объективном характере экономических законов. Нередко выход из затруднений находят в отождествлении экономических законов с некими силами, принуждающими человека к определенным действиям откуда-то извне и находящимися вне самих действий. Большинство буржуазных социологов, стоящих на субъективно-

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, 1933, стр. 166.

идеалистической точке зрения, вообще отрицает объективные экономические законы.

Каким же образом совмещается объективность экономического развития с тем, что люди руководствуются в своей практической деятельности осознанной целью?

Процесс труда каждого отдельного работника, — будь то индивидуальный производитель, будь то наемный рабочий, будь то работник социалистического производства, — носит целесообразный характер. Всякий работник имеет план своих действий и знает, какую вещь он производит. Также подчинен единой воле, единому плану и процесс труда на отдельных предприятиях, где занято много людей. Но иначе обстоит дело в общественном производстве, взятом в целом.

Общественное производство может получить организованный, планомерный характер только на основе общественной собственности. Частный обособленный производитель, будет ли это ремесленник, мелкий крестьянин или капиталист, ведет хозяйство своими средствами производства, на свой риск, не сообразуясь с общественным интересом. Правда, производя для рынка, он старается выяснить рыночную конъюнктуру, узнать спрос на продукты с тем, чтобы не напрасно затратить средства и труд в своем производстве. Но это знание ненадежно и поверхностно, так как анархическое общественное производство порождает отношения между отдельными производителями, скрытые для каждого из них.

Так, например, в погоне за прибылью капиталисты вводят новую технику и тем самым стихийно развивают производительные силы, которые приводят к экономическим результатам, не зависящим от воли капиталистов, к разорению одних и обогащению других. Но этот результат имеет и более далекие следствия. Развивая производительные силы, капиталисты содействуют росту рабочего класса, его концентрации на отдельных предприятиях, росту его сплочения и организованности. Капиталисты, обобществляя производство, создают материальные предпосылки своей собственной гибели, создают своего могильщика, пролетариат.

Но и введение новой техники или каких-либо усовершенствований в производство является, как выясняет марксистская политическая экономия, далеко не произвольным актом капиталиста. Он принуждается к этому существующими условиями хозяйствования. Если он отстанет от других капиталистов, он выйдет из «игры», так как продуктов в одно и то же время он будет производить меньше и, следовательно, дороже, сбыть такие продукты труднее, ибо другие продают их дешевле. Капиталист должен окупить свои затраты на производство и получить прибыль, но при такой ситуации он вынужден отказаться от прибыли или вообще разориться.

Или другой пример: капиталистическое производство перио-

дически через определенные промежутки времени потрясается экономическими кризисами, несущими неисчислимые бедствия трудящимся массам. Кризис — отнюдь не благоприятное и желаемое явление и для капиталистов, так как приостанавливается производство, уничтожаются массы продуктов, принадлежащие капиталистам. Выживают лишь самые сильные представители этого класса. Однако избежать кризиса капиталисты не в состоянии. Он коренится в самой природе капиталистического производства.

Следовательно, тот факт, что капиталисты очень отчетливо осознают свою цель — получение прибыли — и во имя ее ведут производство, отнюдь не отменяет объективного течения общественных экономических процессов, происходящих в стихийной форме.

Социалистическое производство ведется на основе общественной собственности на средства производства в интересах общества и всех его членов. Благодаря этому развитие производительных сил и соответствующие им изменения в производственных отношениях осуществляются планомерно. Общество в лице социалистического государства контролирует свою собственную производственную деятельность, направляет ее по плану к достижению заранее намеченных целей.

Этот своеобразный характер развития социалистического производства получил в одно время неправильное истолкование в нашей литературе. Довольно широкое распространение получил взгляд, согласно которому Советское государство обладает будто бы способностью создавать и преобразовывать экономические законы, а содержанием экономических законов является будто бы политика Советского государства. Такие взгляды, по существу, отрицали объективный характер развития социалистического производства, смешивали экономические законы с юридическими законами, издаваемыми органами государственной власти. Авторы этих взглядов фактически примыкали к субъективно-идеалистической концепции развития общества. Практически такой взгляд вел к отрицанию научного ведения социалистического производства на основе знания объективных законов.

Отвергает ли сознательное использование экономических законов, планирование народного хозяйства объективный характер экономических законов социализма?

Нет, не отвергает. Общественное производство при социализме является планомерным процессом в масштабе всего общества. С ним несовместима стихийность развития народного хозяйства. Планомерность составляет неотъемлемую черту процесса социалистического производства. Советские люди исходят в своей общественной производственной деятельности из назревших предпосылок в развитии производительных сил; познают их возросшие возможности, ставят конкретную задачу

их дальнейшего развития, а, если необходимо, — то и задачу изменения отдельных сторон производственных отношений, сформляют эту задачу в виде государственного плана развития народного хозяйства и приступают к его конкретному воплощению в жизнь, в действительность. Следовательно, планомерное ведение производства при социализме представляет собой сознательную производственную деятельность трудящихся масс, вооруженных планом, который отражает требования объективных законов развития общества.

Действиями трудящихся масс возможности, заложенные в социалистическом производстве, превращаются в действительность. Достигнутые результаты являются поэтому объективно обусловленным, закономерным итогом всей предшествующей деятельности трудящихся. Планомерный характер присущ механизму действия всех экономических законов социализма.

В связи с этим надо особенно подчеркнуть, что неверно было бы сводить существо экономических законов только к возможностям, к назревшим требованиям производства. Экономический закон — это не только возможность, но и объективная необходимость того или иного экономического процесса, неумолимое превращение этой возможности в действительность посредством деятельности трудящихся масс. Этот процесс получает отражение в форме закона политической экономии.

Итак, объективный характер экономических законов любой формации ни в коей мере не означает автоматического действия экономических законов. Результат экономического развития общества достижим лишь в итоге практической деятельности людей. Различие между социализмом и предшествующими формациями в этом смысле состоит лишь в том, что до социализма результаты общественных действий утверждались и утверждаются стихийно, при социализме — осознанно, планомерно.

Иногда марксистское положение об объективном характере экономических законов истолковывают следующим образом. Исходя из правильного тезиса о том, что экономические законы нельзя рассматривать вне действий самих людей, полагают далее, что объективный характер этих законов можно понять лишь при условии отвлечения практической деятельности людей от их сознания. Но с такой интерпретацией объективного характера экономического развития общества согласиться никак нельзя. В отличие от природы любая сфера общественной практики предполагает людей, одаренных сознанием, имеем ли мы дело с производительными силами, производственными отношениями или духовной жизнью общества.

Люди не бессильны перед лицом экономических законов. Неверно фетишизировать законы, преклоняться перед ними, рассматривать их как необузданную, неотвратимую стихию, с которой люди никогда ничего не могут сделать. Как и законы природы, экономические законы могут быть познаны и использованы

людьми в своих интересах. «Общественные силы, — писал Ф. Энгельс, — подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними... Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в молниях грозы и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человеку»[1].

Однако познание и использование экономических законов отличается большим своеобразием по сравнению с познанием и использованием законов природы, своеобразием, вытекающим из общественной сущности экономических законов.

В классово-антагонистическом обществе, каким является капиталистическое общество, познание и использование экономических законов имеет глубокую классовую подоплеку. Почему? Да, потому, во-первых, что открытие экономических законов показывает историческую обреченность буржуазного строя, неизбежность его гибели и, следовательно, неизбежность ликвидации существующего классового отношения, уничтожения, прежде всего, господствующего класса капиталистов, уходящего своими корнями в данный общественный строй. Во-вторых, открытие экономических законов капитализма обнажает истинную сущность буржуазных отношений, эксплуатацию рабочего класса, прикрытую туманной пеленой «свободы, равенства и братства», воспеваемых идеологами капитализма.

В период возникновения буржуазного способа производства, когда его противоречия не обнаружились еще в полную силу, буржуазные экономисты, защищая капиталистические порядки, которые действительно являлись более прогрессивными по сравнению с феодальным строем, стремились объективно показать экономические отношения капитализма. Они сделали ряд серьезных открытий, которые были в какой-то мере использованы идеологами буржуазии в борьбе с одряхлевшим феодализмом. Но и эти открытия, представляющие собой начальный исторический этап в познании экономических законов, вовсе не завершались выводом об исторической ограниченности капитализма, о его преходящем характере, вовсе не направлялись к обнажению классовой противоположности внутри буржуазных отношений. Классовый интерес буржуа сыграл и здесь свою роль. Победа капитализма над феодализмом, развитие его собственных противоречий превратили буржуазную политическую экономию в конце концов в средство сознательного затушевывания экономических законов в угоду класса капиталистов.

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1948, стр. 263.

Условием использования всяких объективных законов, в том числе и экономических законов, в интересах людей является, прежде всего, их познание. Это отмечает и Ф. Энгельс в приведенном месте. Тот факт, что производство во всех формациях подчинено экономическим законам и люди следуют в конечном счете объективной логике исторического процесса, еще не означает сознательного использования экономических законов.

Политическая экономия как наука об экономических законах родилась вместе с капиталистическим способом производства, когда развитие общественных связей производства объективно выдвинуло перед обществом ряд серьезных проблем. Следовательно, вопрос об использовании экономических законов имеет довольно определенные исторические границы, более узкие, чем вопрос об использовании законов природы. Этот вопрос не возникает применительно к докапиталистическим формациям. Как же он решается применительно к капитализму?

При капитализме характер действия экономических законов определен частной собственностью на средства производства. Частная собственность разъединяет людей, неизбежно обусловливает стихийный характер течения экономических процессов, порождает анархию и конкуренцию в общественном развитии. «Вся соль буржуазного общества, — указывал К. Маркс, — состоит как раз в том, что в нем a priori (до опыта, до фактов.— *В. Ч.*) не существует никакого сознательного общественного регулирования производства» [1]. А это означает, что экономические законы капитализма осуществляются через стихийную деятельность людей, лишь как средняя среди бесчисленных колебаний и отклонений. «Вообще при капиталистическом производстве всякий общий закон осуществляется весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» [2].

На заре капитализма буржуазия, будучи прогрессивным классом, когда ее интересы лежали на линии объективного развития общества, сознательно вела массы на штурм феодальных устоев, мешавших развитию капитализма, разрушила их и утвердила новые буржуазные отношения, обеспечивающие рост капиталистического производства. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что это не было сознательным использованием закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил, этот закон не был известен идеологам и вождям буржуазии. В борьбе с феодализмом буржуазия руководствовалась

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 2. 1948, стр. 442.

[2] К. Маркс. Капитал, т. 3. Госполитиздат, 1950, стр. 168.

своими классовыми интересами, практической необходимостью низвержения феодализма, ее сознательная деятельность ограничивалась чисто практическими соображениями.

Под использованием экономических законов в собственном значении этого слова, т. е. сознательным использованием экономических законов, можно понимать следующее:

1) соблюдение требований открытых экономических законов в практической деятельности;

2) ограничение сферы действия экономических законов путем создания других условий, предотвращающих нежелательные последствия данных законов;

3) ликвидацию условий, порождающих закон устаревшего строя, при наличии других материальных предпосылок.

Экономические законы капитализма во всем их объеме были открыты К. Марксом, давшим в руки пролетариата теоретическое оружие величайшей силы. Сам К. Маркс говорил, что его «Капитал» был самым страшным снарядом, который когда-либо был пущен в голову буржуа. Опираясь на закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, рабочий класс нашей страны в союзе с крестьянством, во главе с Коммунистической партией свергнул в 1917 г. политическую власть капиталистов и помещиков, экспроприировал капиталистов, уничтожил частную собственность на землю и построил социалистическое общество. Тем самым была ликвидирована база действия законов капитализма и создана база действия законов социализма.

Экономические законы социализма сознательно, планомерно используются советским народом, возглавляемым Коммунистической партией. Необходимость использования экономических законов социализма коренится в самой их природе. Осуществляться стихийно они не могут. Причиной этого является общественная собственность на средства производства, которая предполагает планомерное течение экономических процессов.

Вот почему Ф. Энгельс, говоря о превращении общественных сил из демонических повелителей в покорных слуг, указывал на их познание и использование в руках *ассоциированных производителей*, т. е. в руках трудящихся социалистического общества. Следовательно, положение о том, что люди не бессильны перед лицом экономических законов, надо понимать конкретно-исторически, в связи с установлением общественного контроля над общественным производством. Только в этих условиях люди получают возможность применять законы своих собственных общественных действий с полным знанием дела, и в этом смысле подчинять их своему господству. «И только с этого момента, — говорит Ф. Энгельс, — люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной

и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают»[1].

* * *

В отличие от законов естествознания экономические законы в своей подавляющей части недолговечны. Такова их особенность. Они сходят с исторической сцены вместе с устаревшими формами производственных отношений. Каждой общественно-экономической формации присущи свои специфические экономические законы, которые отличают одну формацию от другой.

Из числа многих специфических законов каждой формации, отражающих различные стороны производственных отношений, марксистская политическая экономия выделяет основной экономический закон, который выражает самую существенную, коренную черту данных производственных отношений. Эта коренная черта пронизывает все экономические процессы, протекающие в данной формации. Так, например, основным экономическим законом капитализма является закон прибавочной стоимости, управляющий всем механизмом капиталистической экономики. Он выражает объективную цель, мотив (направленность) капиталистического производства — извлечение прибавочной стоимости, а вместе с целью и средства ее достижения — эксплуатацию наемных рабочих. В противоположность капитализму социалистическое производство подчинено интересам общества; поэтому в производстве здесь создается продукт, идущий на все более полное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей всего общества и его членов. Такова **цель** социалистического производства. Каковы же средства для достижения этой цели? В литературе обычно называют непрерывный рост производительных сил на базе высшей техники. Но это не раскрывает в достаточной степени специфического характера средств обеспечения цели социалистического производства. Во-первых, производительные силы во всех формациях являются средством производства продуктов; во-вторых, характер их развития зависит от экономических отношений людей. Поэтому, если при капитализме специфическим средством извлечения прибавочной стоимости является эксплуатация наемных рабочих, то при социализме средством все более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей всего общества является непрерывный и быстрый рост социалистического производства на базе высшей техники, который осуществляется работниками, свободными от эксплуатации, в условиях сотрудничества и товарищеской взаимопомощи. Таково средство достижения цели социалистического производства.

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1948, стр. 267.

Следовательно, в основных экономических законах разных формаций содержится объективная цель производства и соответствующие ей специфические средства. И в «цели» и в «средствах» отражено в сжатом виде господствующее экономическое отношение, коренная черта его сущности.

Основной экономический закон неразрывно связан с другими специфическими экономическими законами данной формации. Среди всех специфических законов он является наиболее общим законом, имеющим двоякую форму проявления своего действия — самостоятельную (непосредственную) и через другие, более частные законы. Никакой специфический закон вне связи с основным законом понять правильно нельзя. С другой стороны, нельзя получить исчерпывающего представления об основном законе вне связи с другими законами.

Наряду со специфическими экономическими законами, действующими в той или иной формации, производство управляется законами, общими для всех формаций или общими для некоторых формаций. В отличие от специфических законов, которые связаны с экономическими условиями развития общественного производства, существующими лишь на определенном историческом этапе (например, система наемного труда), общие законы связаны с условиями существования общественного производства, которые сохраняются при любой его форме (например, неразрывная связь и взаимодействие производительных сил и производственных отношений, воспроизводство материальных условий жизни общества). Таких законов немного. К общим законам производства, действующим на протяжении всей истории общества, относятся, например, закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, некоторые законы воспроизводства. Закон стоимости, являясь специфическим экономическим законом товарного производства, в силу того, что само товарное производство существует в различных формациях, действует на протяжении ряда формаций.

Всякий экономический закон своеобразно воплощает в себе связь производительных сил и производственных отношений. Так, например, закон прибавочной стоимости, выражая характер развития капиталистических производственных отношений, в то же самое время показывает, как при капитализме во имя прибавочной стоимости происходит развитие производительных сил и как развитие производительных сил, в свою очередь, воздействует на производство прибавочной стоимости. Та же связь воплощена и в основном экономическом законе социализма, который нельзя понять оторванно от производительных сил. Всякая экономическая категория как бы вбирает в себя взаимосвязь производительных сил и производственных отношений, обладая характером живой, развивающейся категории.

Вот почему экономические законы следует рассматривать, как законы развития производительных сил и производственных

отношений. Это вытекает из существа самих производственных отношений, служащих экономической формой существования и развития производительных сил.

4. Марксистско-ленинское определение предмета политической экономии

Марксистско-ленинская политическая экономия изучает определенные исторические производственные (экономические) отношения людей, общественный строй производства на различных ступенях развития общества с целью познания экономических законов, управляющих производством, обменом и распределением продуктов[1]. «Политическая экономия, — писал В. И. Ленин, — занимается вовсе не «производством», а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства»[2]. «Определенной политико-экономической категорией, — подчеркивал В. И. Ленин, — является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде»[3].

Однако общественный строй производства неверно было бы представлять как нечто существующее рядом с производством. Общественный строй производства — это и есть производство, но взятое с одной определенной стороны, а именно: со стороны его общественной специфики.

Поэтому, если мы говорим, что политическая экономия изучает производственные отношения, мы имеем в виду, что она изучает производство, но не как таковое, не как технический процесс, а как определенное общественное отношение.

Отсюда же следует и другое. Политическая экономия не может изучать производственные отношения в отрыве от производительных сил.

«Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества, — писал В. И. Ленин, — в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса»[4]. Поскольку же возникновение, развитие и упадок производственных отношений происходит как результат их взаимодействия с производительными силами, политическая экономия изучает производственные отношения во взаимодействии с производительными силами.

Это значит, что политическая экономия рассматривает производительные силы как фактор изменения производственных

---

[1] В политической экономии термин «производственные отношения» всегда применяется в смысле конкретно-исторических экономических отношений.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 40—41.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 236.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 43.

отношений, а производственные отношния как условие, способствующее развитию производительных сил или тормозящее их развитие. Иначе говоря, политическая экономия изучает производственные отношения в такой взаимосвязи с производительными силами, когда причина и следствие постоянно меняются местами.

Отсюда, однако, ни в коем случае не следует, что производительные силы и производственные отношения «равноправно» входят в предмет политической экономии. Политическая экономия не ставит своей целью изучение технико-натуральных свойств элементов производства, конструкции машин и механизмов, технологии. Эта сторона производства (производительные силы как таковые) находится вне границ политической экономии.

Вместе с тем, определяя предмет политической экономии, недостаточно указать на то, что политическая экономия 1) не изучает производительные силы как таковые, но 2) рассматривает производственные отношения во взаимодействии с производительными силами. Недостаточно потому, что в этом определении отсутствует момент взаимного проникновения производительных сил и производственных отношений, их внутреннего единства, о чем уже говорилось ранее. Политическая экономия изучает производственные отношения как форму производительных сил, содержащую в себе производительные силы в социально-экономическом выражении. С этой стороны, или в этом качестве, производительные силы входят в предмет политической экономии. Поясним это на следующем примере.

Машина, взятая как сложное орудие труда, является элементом техники и сама по себе «безразлична» к производственным отношениям. В этом виде она не входит в предмет политической экономии. «Машина, — подчеркивает К. Маркс, — столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина — это только производительная сила»[1].

Однако машина как объект собственности, как средство производства продуктов в определенных экономических условиях выступает уже как экономическая категория. «С экономической точки зрения», отмечает К. Маркс[2], понятие машины предполагает исторический (социальный) момент. Этот момент, присутствующий в машине благодаря существующим экономическим отношениям, как раз и придает ей характер экономической категории, входящей в предмет политической экономии.

Таким образом, политическая экономия изучает производственные отношения в единстве и во взаимодействии с производительными силами, т. е. как «способ производства». К. Маркс

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 152.
[2] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 377.

так и определял предмет исследования «Капитала» — «капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена».

Политическая экономия — историческая наука. «Она имеет дело, — писал Ф. Энгельс, — с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, вполне общие законы, применимые к производству и обмену вообще» [1].

Возникнув вначале как политическая экономия капиталистического способа производства, или как политическая экономия «в узком смысле слова», она затем постепенно расширяла исторические границы своего предмета, превратившись в науку о производственных отношениях в первобытнообщинном, рабовладельческом, феодальном, капиталистическом и социалистическом обществе.

Классические определения предмета политической экономии были сформулированы Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» еще при жизни К. Маркса. «Политическая экономия, в самом широком смысле, — писал он, — есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе» [2]. Во втором, более развернутом определении говорится, что политическая экономия есть «наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, всякий раз происходит распределение продуктов» [3]... Под «условиями» и «формами» в данном случае следует понимать экономические отношения производства, обмена и распределения продуктов и их законы, или — что то же самое — формы присвоения средств производства и предметов потребления в производстве, обмене и распределении продуктов. Во всей совокупности (структуре) экономических отношений марксизм выделяет собственность на средства производства как основное звено этой структуры, определяющее ее характер. В этом смысле определенная форма собственности на средства производства является о с н о в о й производственных отношений.

Марксистско-ленинская политическая экономия наряду с диалектическим и историческим материализмом и научным социализмом образует составную часть марксизма-ленинизма, мировоззрения рабочего класса и его коммунистических партий. Экономическая теория, по определению В. И. Ленина, является главным содержанием марксизма. Это обусловлено ее предме-

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1948, стр. 138.

[2] Там же, стр. 137.

[3] Там же, стр. 140.

том — экономическим строем производства, служащим базисом общества и определяющим политические, юридические, философские, художественные, религиозные и другие взгляды.

Производственные отношения в той или иной степени, с той или иной стороны изучаются разными общественными науками, например, историей, в частности историей народного хозяйства. Но между политической экономией и этими науками имеется большое различие как в задачах, которые они ставят перед собой, так и по предмету. Только политическая экономия имеет своим собственным предметом исторические формы производственных отношений; она стремится открыть экономические законы различных способов производства. История же изучает процесс возникновения каждой общественно-экономической формации во всем многообразии ее экономических и надстроечных явлений, по всем историческим периодам и во всех странах. История народного хозяйства имеет более узкий предмет чем история вообще, но и она подробно рассматривает исторический процесс развития производительных сил, производственных отношений, а также всех непосредственно примыкающих к производству надстроечных явлений — экономическую политику, хозяйственное законодательство всех времен и народов. Все исторические науки руководствуются в своих исследованиях теоретическими выводами политической экономии, которая, таким образом, является их методологической основой.

Развитие социалистического производства вызвало к жизни многочисленные экономические дисциплины — так называемые отраслевые экономики. К ним относятся, например, экономика промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли и др. Эти экономические дисциплины имеют дело с экономическими явлениями в пределах отдельных отраслей народного хозяйства. Но в отличие от политической экономии они не ставят перед собой задачу открыть экономические законы. Они используют выводы политической экономии социализма при изучении конкретных проявлений экономических законов, данные технических наук, агрономии, экономической географии, организации производства. На основе данных различных наук, без помощи которых нельзя экономически изучить определенную отрасль производства, конкретные экономики разрабатывают практические мероприятия в области хозяйственной политики, направленные на достижение большей экономической эффективности отраслей и предприятий. Политическая экономия социализма является их методологической основой. Конкретные экономики играют серьезную роль как учебные дисциплины в деле подготовки наших хозяйственных и руководящих кадров.

Нельзя также смешивать политическую экономию с экономической (хозяйственной) политикой. Политика как область надстройки вообще не входит в предмет политической экономии.

Но было бы неверно утверждать, что политическая экономия

не изучает хозяйственной политики и не имеет к ней никакого отношения.

При капитализме экономическая политика государства, несмотря на ее ограниченные (в силу частной собственности) возможности, имеет известное значение для экономического развития. Политика, говорил В. И. Ленин, есть концентрированное выражение экономики. Она необходимо сопровождает хозяйственную деятельность в классовом обществе. В современных условиях монополистический капитал проводит ряд серьезных и крупных государственных мероприятий, оказывающих немалое влияние на хозяйственную жизнь капиталистических стран. Поэтому политическая экономия должна изучать экономическую политику буржуазных государств, чтобы сквозь нее и под ней обнаружить объективные экономические процессы и исследовать их. К. Маркс в «Капитале» неизменно обращается к праву и политике, чтобы показать их действительную основу и, с другой стороны, показать обратное влияние права и политики на эту основу.

Для политической экономии социализма изучение хозяйственной политики социалистического государства, руководимого Коммунистической партией, имеет огромное значение. Социалистическое производство, организуемое в общественном масштабе, всецело направляется хозяйственной политикой Коммунистической партии, подчиненной главной цели — построению коммунистического общества в нашей стране.

Но хозяйственная политика, придающая социалистическому производству определенную направленность, не может отменить его объективных законов. Она использует их в целях решения конкретных задач, связанных с существующей экономической и политической обстановкой. Поэтому, прежде чем ставить перед производством задачи, хозяйственная политика исходит из его объективных законов, из его требований и возможностей. Она должна быть научно обоснована, соответствовать объективным законам производства. Критерием правильности политики служит практика. Хозяйственная политика должна быть тесно связана с политической экономией. В свою очередь, политическая экономия социализма должна постоянно изучать хозяйственную политику, чтобы вовремя вносить поправки, изменения, дополнения. Политика основывается на науке. Наука служит выработке правильной политики.

* * *

Никто из буржуазных экономистов не смог дать четкого определения предмета политической экономии. Роза Люксембург как-то заметила по их адресу, что «большинство специалистов по политической экономии имеет весьма туманное представление о действительном предмете своих ученых изысканий».

В разноречивых определениях буржуазных экономистов мож-

но выделить некоторые характерные типы формулировок. Широко распространено, например, понимание политической экономии как науки о «богатстве». Родоначальником такого определения был А. Смит, назвавший свое знаменитое произведение «Исследованием о природе и причинах богатства народов». Это определение переняли и многие другие буржуазные экономисты — Сэй, Дж. Ст. Милль, Кейнс. Но что такое «богатство», никто из них четко не мог сказать, потому что в действительности «богатство» — бессодержательное с экономической точки зрения понятие. Богатство «вообще» — это общеисторическая категория, не выражающая конкретных общественных условий производства. Вопрос о богатстве решается принципиально иначе, например, для капитализма, чем для феодализма. Русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский подчеркивал ненаучность, неопределенность этого термина в буржуазной политической экономии. Критикуя Дж. Ст. Милля, он писал, что термин «богатство» указывает не на качество, а исключительно на количество и принадлежит разговорному, поверхностному, ненаучному языку.

Другим весьма распространенным среди буржуазных экономистов определением предмета политической экономии является понимание политической экономии как науки о «народном хозяйстве». Оно встречается преимущественно у представителей немецкой, так называемой «исторической школы», — Рошера, Вагнера, Шмоллера, Бюхера и др. Характерно, что вместо «политической экономии» у немецких буржуазных экономистов привилось и название «наука о народном хозяйстве».

Понятие «народное хозяйство» — также весьма неопределенно, как и понятие «богатство». Если подразумевать под «народным хозяйством» хозяйственную деятельность вообще, то в нем можно найти наряду с производственными отношениями и производительные силы, и политические, и правовые отношения, которые юридически регулируют хозяйственную жизнь. С другой стороны, «народное хозяйство» — общеисторическое явление, встречающееся во всех формациях и, если его изучать «вообще», значит упустить из виду все специфические черты разных исторических эпох. Представители «исторической школы», закрыв себе путь к познанию экономических законов, открыто отказались от теории, ограничившись историческим описанием всех хозяйственных фактов.

Так называемая «австрийская школа» буржуазной политической экономии объявляет предметом своей науки субъективные психологические оценки экономических явлений. Из оценок индивидуума представители этой школы пытались выводить законы хозяйственной деятельности. С их легкой руки в политическую экономию вместо «труда» и «рабочего времени» проникли такие термины, как «наслаждение», «полезность», «жертвы», «чувство неприятности», «напряжение».

«Социальное направление» в буржуазной политической экономии, возникшее уже в эпоху становления монополистического капитала, объявило предметом политической экономии «социальные формы». Представителями «социальной школы» была предпринята попытка совершить подкоп под марксистскую политическую экономию, которая тоже имеет дело с «социальными формами». Но «социальные формы» «социальной школы» ничего общего не имеют с марксистским понятием «производственные отношения». Буржуазные экономисты, во-первых, отрывали «социальные формы» от производства, от производительных сил, во-вторых, рассматривали «социальные формы» как «объект познания», сконструированный мышлением. Уходя от непосредственной действительности, они превращали политическую экономию в науку о чем-то идеальном, субъективном.

Американский экономист Дж. Кларк в 30-е гг. доказывал, что политическая экономия изучает вечные законы производства и изменяющиеся законы распределения. Он уводил тем самым политическую экономию от коренных основ общественного строя при капитализме, от производства и предлагал решить социальные проблемы капитализма с помощью регулирования лишь сферы распределения. Причем он пытался дать надуманный рецепт, каким образом установить «гармонию» интересов капиталистов и наемных рабочих, не затрагивая «вечных» отношений производства.

Современные буржуазные экономисты не отличаются оригинальностью в этом отношении. Они повторяют старые ненаучные формулы, смысл которых откровенно обнажает социальную физиономию их теперешних пропагандистов. Американский социолог К. Коулгроув — ярый враг коммунизма — объявляет предметом политической экономии «деятельность людей, доставляющую материальные средства для удовлетворения их потребностей» [1], ни слова ни говоря от общественном строе производства. Другой американский писатель экономист Дж. Беч прямо включает в предмет политической экономии экономическую политику государства и ставит перед политической экономией задачу разрабатывать мероприятия, направленные на улучшение капиталистической системы производства и распределения [2].

Как бы ни разнообразились определения предмета политической экономии, встречающиеся у буржуазных экономистов, — все они объективно преследуют цель — отвлечь политическую экономию в сторону от изучения экономических законов, прежде всего законов капитализма. Все они стремятся оставить политической экономии область поверхностных процессов действительности, не допуская ее к сокровенным тайнам капиталистиче-

---

[1] K. Colegrove. Democracy versus Communism, New-Jork, 1957, p. 256.
[2] G. L. Bach. Economics. An Jntroduction to Analysis and Policy, New-Jork, 1957, p. 3.

ского производства. Все они отражают классовый интерес буржуазии, классовый интерес монополистического капитала, господствующего ныне в буржуазном обществе.

5. Классовый, партийный характер политической экономии. Ее историческое развитие

Марксистская политическая экономия возникла не на пустом месте. Ее непосредственным предшественником была классическая буржуазная политическая экономия, достигшая своей вершины в учениях А. Смита (1723—1790) и Д. Рикардо (1772—1823). Их учения составили один из источников марксизма.

Марксизм не смешивает классическую буржуазную политическую экономию и даже ее предтечу меркантилизм, с которого буржуазная политическая экономия начала свой жизненный путь в XVII в., с вульгарной политической экономией, стоящей на тех же классовых позициях. Начиная с XVII в. до 30-х гг. XIX в. политическая экономия как наука развивалась по восходящей линии. Меркантилизм, физиократизм и английская политическая экономия — таковы ее исторические этапы. Марксистская политическая экономия завершает эту линию научной преемственности. Учение К. Маркса, писал В. И. Ленин, «возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма... Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX в. в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»[1].

Однако переход от классической буржуазной к марксистской политической экономии не был плавным и гладким. Это был качественный скачок, революционный переворот, преобразовавший политическую экономию как науку.

Классики буржуазной политической экономии не смогли подняться на уровень исторического исследования буржуазного способа производства. Они рассматривали его как вечную, естественную форму общественного производства. Открытые ими «законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы экономической деятельности, а вечными законами природы: их выводили из природы человека»[2]. В действительности же «человеком вообще» был для них товаропроизводитель, превращающийся в буржуа, т. е. определенная историческая фигура. А это неизбежно вело к тому, что специфические черты капиталистического производства смешивались с явлениями, общими для всех способов производства. «Классики нащупывали, — писал В. И. Ленин, — и нащупали целый ряд «естественных законов» капитализма, не понимая его пре-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 3.

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1948, стр. 141.

ходящего характера, не видя классовой борьбы внутри его»[1]. Слабость и ограниченность классиков буржуазной политической экономии заключалась, таким образом, в ее метафизическом, неисторическом подходе (методе) к исследованию производства.

Но эта ограниченность классиков была заранее предопределена их классовой буржуазной позицией.

Политическая экономия, имеющая дело с экономическими отношениями людей, является по своей природе глубоко классовой, партийной наукой. Это вытекает из самого ее предмета, которым в антагонистических формациях служит общественное отношение враждующих классов. Политическая экономия неизбежно задевает интересы классов и не может стать «над» этими интересами. Ее классовый, партийный характер ярко проявляется в познании и использовании экономических законов, о чем уже говорилось выше. Здесь «свободное научное исследование,— отмечал К. Маркс, — встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — вызывает фурий частного интереса»[2].

Классики буржуазной политической экономии были идеологами капиталистического общества. Поэтому, несмотря на свои большие заслуги в исследовании капиталистических отношений, они не смогли преодолеть узких рамок буржуазного кругозора. Пришедшая им на смену вульгарная буржуазная политическая экономия, «золотой век» которой начинается приблизительно в 30-х гг. прошлого столетия (когда уже вызрели собственные противоречия капитализма) и которая продолжает свое существование по сей день, открыто стала на путь лакировки капиталистической действительности, апологетического, лакейского воспевания «достоинств» капитализма. Когда классовая борьба приняла ярко выраженные и угрожающие формы, писал К. Маркс, пробил смертный час для научной буржуазной экономии. «Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет»[3].

Только рабочий класс кровно заинтересован в том, чтобы теория объективно и до конца вскрыла сущность капиталистических отношений, обнаружила действительные законы капитализма и указала рабочему классу на его историческое место в

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 177.
[2] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 8.
[3] Там же, стр. 13.

системе общественного производства. Поэтому подлинно научная экономическая теория капиталистических отношений объективно является теорией пролетариата, а ее создатели — его идеологами. Такую экономическую теорию рабочий класс воспринимает как свое собственное мировоззрение, как свое собственное идейное оружие, научно обосновывающее его борьбу за свержение господства капитала. С другой стороны, только став на позиции интересов рабочего класса, которому предназначена историческая миссия могильщика капитализма, можно было выработать подлинную научную экономическую теорию буржуазного способа производства. Партийность марксистской политической экономии, ее классовый, пролетарский характер ни в коей мере, таким образом, не противоречит объективному отражению экономических отношений. Интересы рабочего класса соответствуют объективному развитию общества. «Как в шестнадцатом столетии, так и в наше бурное время, — писал Ф. Энгельс, — чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции» [1].

Экономическая теория как наука о производственных отношениях в их возникновении, развитии и упадке была создана К. Марксом и Ф. Энгельсом. Подвергнув критике буржуазную политическую экономию, К. Маркс и Ф. Энгельс создали пролетарскую политическую экономию. С помощью диалектического метода были открыты исторические формы общественного производства, а капиталистический способ производства был подвергнут специальному исследованию.

Марксистская политическая экономия и диалектический метод органически взаимосвязаны. Это К. Маркс показал в «Капитале», в котором разработана не только экономическая теория капиталистического производства, но и диалектический материализм применительно к общественной жизни, т. е. исторический материализм. «Теперь — со времени появления «Капитала», — писал В. И. Ленин, — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение» [2].

Следовательно, качественное отличие марксистской политической экономии от классической буржуазной политической экономии можно резюмировать в таких трех моментах:

Во-первых, марксистская политическая экономия имеет противоположную классовую природу; она является пролетарской наукой.

Во-вторых, марксистская политическая экономия использует метод диалектического материализма.

В третьих, предметом марксистской политической экономии

[1] Ф. Энгельс. Капитал. Предисловие к 3 тому. Госполитиздат. 1950. стр. 2.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 125

служат исторические формы общественного производства, открытые с помощью диалектического метода.

«Капитал» — энциклопедическое произведение К. Маркса — занимает исключительное место в истории мировой научной литературы. В нем дано всестороннее обоснование марксизма, главный результат которого состоит в выявлении всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества. «Капитал» является незыблемым фундаментом теории марксизма-ленинизма, ее методологической основой. В «Капитале» глубоко обобщен колоссальный исторический материал, преподнесенный в блестящей форме изложения, дышащей пафосом борьбы за освобождение рабочего класса и всех трудящихся от всякой эксплуатации.

Работе над «Капиталом» К. Маркс посвятил около сорока лет своей жизни. «Если измерять ценность людей выполненным ими трудом,... — писал в своих воспоминаниях о К. Марксе его близкий друг, видный деятель немецкого и международного рабочего движения Вильгельм Либкнехт, — то даже с *этой* точки зрения ценность Маркса так огромна, что лишь немногие из исполинов мысли могут равняться с ним» [1]. Свой гений К. Маркс отдал без остатка делу рабочего класса. Он сам говорил, что «Капиталу» он принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью.

«Капитал» — в основном политико-экономическое произведение. «Конечной целью моего сочинения, — писал К. Маркс в предисловии к «Капиталу», — является открытие экономического закона движения современного общества», т. е. капиталистического общества. Первый том «Капитала» вышел в свет в 1867 г., составив целую эпоху в истории общественной мысли и сыграв огромную роль в международном рабочем движении. «С тех пор, — писал Ф. Энгельс, — как на земле существуют капиталисты и рабочие, не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих»... [2].

Однако работу над «Капиталом» К. Маркс не успел завершить. Он умер 14 марта 1883 г. в своем рабочем кресле. Издание рукописей остальных томов «Капитала» выпало на долю Ф. Энгельса, друга и великого соратника К. Маркса. Второй том «Капитала» увидел свет в 1885 г., третий том — в 1894 г. Подготовкой этих томов к печати Ф. Энгельс создал, по словам В. И. Ленина, величайший памятник К. Марксу, невольно вырезав на этом памятнике неизгладимыми чертами свое собственное имя.

Смерть (1895 г.) помешала Ф. Энгельсу осуществить подготовку к печати последнего, четвертого, тома «Капитала», из-

---

[1] К. Маркс. Избранные произведения в двух томах. Госполитиздат, 1941, т. 1, стр. 117.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, 1948, т. 1, стр. 422.

вестного под названием «Теории прибавочной стоимости». «Теории прибавочной стоимости» впервые были опубликованы К. Каутским в 1905—1910 гг. Однако К. Каутский подверг рукопись К. Маркса произвольной «обработке», ревизовав ряд важнейших теоретических положений. В настоящее время Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС завершает научную редакцию «Теорий прибавочной стоимости», две части которых уже изданы.

Анализируя капиталистический способ производства, К. Маркс в общих чертах исследовал и предшествовавшие капитализму формации, но в систематическом виде не успел изложить результаты своих исследований. Огромный вклад в политическую экономию сделал Ф. Энгельс, написавший в 1884 г. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». К. Маркс и Ф. Энгельс, обосновывая неизбежность крушения капитализма, дали в общих чертах характеристику переходного периода от капитализма к социализму, коммунистического общества и его двух фаз. Но К. Маркс и Ф. Энгельс, жившие в эпоху домонополистического капитализма, не могли, конечно, ставить и решать теоретического вопроса о конкретных путях перехода к социализму, о конкретных формах движения общества к коммунизму.

Марксистская политическая экономия получила дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина. В ряде своих работ В. И. Ленин разработал положения, обогатившие политическую экономию докапиталистических формаций. На основе изучения и обобщения фактов новой, высшей стадии развития капитализма, монополистического капитализма, сложившегося на рубеже XIX—XX вв., В. И. Ленин создал теорию империализма, являющуюся непосредственным продолжением теории К. Маркса. В. И. Ленин показал, что империализм есть последняя стадия капитализма, канун пролетарской революции. Открыв особенности действия закона неравномерного экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма, В. И. Ленин обосновал возможность победы социалистической революции в одной стране. Ленинская теория социалистической революции имеет всемирно-историческое значение, является огромным вкладом в марксистскую политическую экономию. В трудах В. И. Ленина были разработаны основные положения о переходном периоде от капитализма к социализму, о диктатуре пролетариата, о союзе рабочего класса и крестьянства, о необходимости кооперирования мелкого крестьянского производства, о специфических особенностях переходного периода в разных странах. В. И. Ленин разработал основы политической экономии социализма и решающие положения о постепенном переходе от социализма к коммунизму.

Марксистско-ленинская политическая экономия постоянно обогащается новыми выводами и положениями, вытекающими

из конкретных условий строительства коммунистического общества в нашей стране, строительства социализма в странах народной демократии, из конкретных условий борьбы рабочего класса в странах современного капитализма, из конкретной ситуации в соотношении сил социализма и капитализма на мировой арене. Марксистско-ленинская политическая экономия получает дальнейшее развитие и конкретизацию применительно к новым историческим условиям в решениях Коммунистической партии Советского Союза и братских коммунистических партий, в работах учеников В. И. Ленина, в работах экономистов-ленинцев.

* * *

Наряду с пролетарской и буржуазной политической экономией существует и так называемая мелкобуржуазная политическая экономия, или политическая экономия промежуточных классов. Эта политическая экономия выражает интересы многочисленных и разношерстных социальных групп буржуазного общества. В современной мелкобуржуазной политической экономии существуют два направления: экономические теории правых социалистов, выступающих под флагом реформистского социализма, и собственно мелкобуржуазные теории. Они отличаются друг от друга своей социальной (классовой) базой и, в известной мере, характером своих учений.

Родоначальником мелкобуржуазной политической экономии является Сисмонди (1773—1842 гг.), писавший еще до К. Маркса. Он выражал интересы мелких товаропроизводителей. Классики марксизма-ленинизма отмечали известную заслугу Сисмонди в критике капитализма, несущего разорение мелкому производству. Сисмонди заметил ряд противоречий капиталистического производства. Однако он не сумел их научно объяснить. Защищая мелких производителей от бедствий и зол капитализма, он предлагал «усовершенствовать» капиталистические отношения, создать условия для сохранения мелкого производства, отказаться от технического прогресса. Учение Сисмонди носило в общем реакционный характер, так как в нем идеализировалась отсталая форма производства, тормозящая развитие производительных сил.

Последователями Сисмонди были русские народники, которые отрицали развитие капитализма в России после реформы 1861 г. и предлагали с помощью государства сохранить мелкокрестьянский хозяйственный строй. Большую борьбу с народниками вели В. И. Ленин и Г. В. Плеханов. Работами В. И. Ленина идеям народничества был нанесен сокрушительный удар.

Современные мелкобуржуазные теории отражают интересы мелких и средних промышленников, торговцев и рантье. В коренных вопросах они не расходятся с вульгарными буржуазны-

ми экономическими теориями, выражающими интересы крупного монополистического капитала. Они не выступают против капиталистических порядков. Но, защищая мелких и средних капиталистов, представители мелкобуржуазных теорий выступают против засилья монополий и критикуют государственную политику, которая служит монополиям.

Социальной базой правосоциалистических, оппортунистических экономических теорий является, главным образом, рабочая аристократия (высокооплачиваемый слой рабочих), а также некоторые слои мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. Эти теории, как и мелкобуржуазные теории первого вида, фактически служат интересам капитала, но в отличие от первых они прикрываются знаменем социализма, социалистической фразеологией, обращаются к рабочему классу и выступают по форме в защиту интересов рабочего класса. Некоторые из представителей этих теорий, например, германские социал-демократы, называют себя даже наследниками К. Маркса и Ф. Энгельса.

Оппортунистические (соглашательские) экономические теории сложились к концу XIX в., когда появилась их основная социальная база — рабочая аристократия, выросшая на почве подачек из огромных прибылей монополистов. Вначале эти теории возникли внутри марксистских партий, подвергая ревизии и «критике» учение К. Маркса и Ф. Энгельса, внося «поправки», «дополнения», «изменения». Апостолами оппортунизма явились Э. Бернштейн, К. Каутский, Р. Гильфердинг, К. Реннер и другие «бывшие марксисты», поднявшие знамя ревизии марксизма. Некоторые из них вначале действительно выступали с позиций марксизма, а в деле популяризации идей К. Маркса и разработки ряда положений имели известные заслуги перед рабочим классом. В. И. Ленин высоко оценивал, например, книгу К. Каутского «Аграрный вопрос» и книгу Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», хотя и отмечал в последней ряд серьезных ошибок. Книгой К. Каутского «Экономическое учение К. Маркса», написанной в основном с марксистских позиций, широко пользовались рабочие кружки, пропагандировавшие марксизм в России. Но уже тогда оппортунизм этих авторов давал о себе знать. В годы первой мировой войны оппортунисты открыто предали интернациональные интересы рабочего класса, оказав поддержку «своей» буржуазии в империалистической войне. Победу Великой Октябрьской социалистической революции они встретили враждебно. Отныне оппортунисты прямо переходят в лагерь врагов марксизма, а после второй мировой войны те из них, которые в какой-то мере прикрывались все-таки именем марксизма, окончательно порывают с марксизмом и в частности с марксистской политической экономией. Они объявляют марксизм устаревшим, утратившим свое значение для современности.

Что же предлагают нынешние правые социалисты рабочему классу взамен марксизма?

Прежде всего они утверждают о возможности примирения капиталистов и рабочих, о затухании классовой борьбы внутри буржуазного общества. Этому якобы способствует, заявляют они, современная техника и буржуазная демократия. Именно так сказано в проекте программы Социалистической партии Австрии, принятом в 1957 г.

Но так ли обстоит дело в действительности?

Вот что пишет по этому поводу генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Австрии Ф. Фюрнберг: «Сегодняшним «реформаторам» марксизма, говорящим о возможном примирении между трудом и капиталом, мы поставим простой вопрос, который задавали Маркс и Энгельс, старый Каутский и во времена своей юности даже Реннер: откуда берется прибыль крупных капиталистов? От святого духа, из собственного труда или из прибавочной стоимости, которую капиталисты выколачивают из рабочего класса?»[1].

В американском буржуазном журнале «Форчун» в ноябре 1957 г. опубликован список под названием «Крупнейшие счастливцы Америки». В нем перечислены самые богатые тузы США, обладающие личным состоянием от 75 миллионов долларов до 1 миллиарда долларов. Первым идет нефтяной магнат Дж. П. Гетти. Его состояние приближается к 1 миллиарду долларов. В списке названы члены известных семей Рокфеллеров, Меллонов, Дюпонов, Форда и других. В то же время численность безработных в США в начале 1959 г. составила около 5 миллионов человек, заработная плата американского рабочего в 1957 г. упала на 2,1% по сравнению с 1956 г. Характерно также, что реальная заработная плата в течение всех послевоенных лет, за исключением 1955 и 1956 гг., была ниже уровня 1944 г. Около 36 миллионов американских семей получают годовой доход до 1 тысячи долларов.

Спрашивается: о каком совпадении интересов капиталистов и рабочих может идти речь?

Только те, кто предал интересы рабочего класса, могут утверждать обратное, укрепляя господство эксплуататоров и разоружая рабочий класс в его борьбе за свержение капиталистического строя.

Правые социалисты отказываются от экспроприации капиталистической собственности. Они не хотят отобрать у крупных капиталистов предприятия, банки, транспорт. Они отрицают необходимость революционного перехода к социалистическому обществу путем установления диктатуры пролетариата. Взамен этого они предлагают «мирное врастание» капитализма в со-

---

[1] «Фальшивые теории современных ревизионистов», «Правда», 16 января 1958 г.

циализм. При этом они проповедуют надклассовый характер современного буржуазного государства, с помощью которого можно якобы «реформировать» капитализм. Многие правосоциалистические лидеры входят в состав правительств буржуазных государств и даже возглавляют эти правительства.

В действительности же буржуазное государство является классовым политическим органом монополистического капитала. Оно защищает интересы крупных финансовых магнатов и всецело зависит от них. Ни одно буржуазное правительство, возглавляемое социалистами, не смогло внести в капиталистические отношения сколько-нибудь существенных изменений. Проведенная в некоторых странах национализация отдельных предприятий и отраслей промышленности, например, в Англии, фактически послужила на пользу капиталистам, избавившимся от необходимости восстанавливать и обновлять устаревшее оборудование, но сохранившим свои прибыли. С другой стороны, возникающая таким путем государственная собственность остается по своей природе капиталистической собственностью. На государственно-капиталистических предприятиях продолжается эксплуатация рабочего класса в интересах всесильных монополистов, контролирующих государственный аппарат. Однако правым социалистам этого было достаточно, чтобы провозгласить наступление эры «демократического социализма», объявить миру о перерождении капитализма в социализм.

Классовая буржуазная сущность политики, проводимой некоторыми правосоциалистическими лидерами, стоящими во главе правительств некоторых буржуазных стран, особенно ярко проявляется по отношению к Советскому Союзу, к странам социалистического лагеря. Реакционные правые социалисты отказываются от миролюбивых предложений Советского правительства, направленных на ослабление международной напряженности, организуют злостную клеветническую пропагандистскую кампанию против социалистических стран и коммунистических партий.

Правосоциалистические экономические теории ставят своей основной задачей борьбу с марксистско-ленинской политической экономией. Претендуя на представительство интересов рабочего класса, эти теории на деле являются буржуазными теориями и в главной, коренной основе несовместимы с марксизмом-ленинизмом. Коммунистические партии капиталистических стран, ведущие борьбу за освобождение рабочего класса, разоблачают подлинную сущность оппортунистических учений. Коммунистические партии стремятся к тому, чтобы рабочие-социалисты, верящие в торжество дела социализма, стали под знамя сознательных борцов против капиталистического рабства.

В современных условиях ревизионизм, или правый оппортунизм, представляет главную опасность для международного рабочего движения. Поэтому усиление борьбы против оппортуни-

стических течений в рабочем и коммунистическом движении, — говорится в Декларации ноябрьского совещания коммунистических и рабочих партий социалистических стран в 1957 г., — приобретает важное значение.

6. Значение марксистско-ленинской политической экономии для строительства коммунистического общества

Вооружив рабочий класс научной теорией классовой борьбы, знанием законов общественного развития, марксизм указал дорогу к освобождению общества от цепей всякой эксплуатации. Неумолимость этого движения марксизм открыл в законах общественного производства.

Великая истина учения марксизма подтверждена всем ходом общественного развития. Октябрьская революция открыла в 1917 г. эру мировой социалистической революции. В невиданно короткий срок рабочий класс Советского Союза под руководством Коммунистической партии ликвидировал капиталистические отношения в городе и деревне, организовал социалистическое производство. Примеру Советского Союза последовал ряд стран Европы и Азии, прочно ставших на путь строительства социализма.

Мы живем в эпоху гибели капитализма и революционного социалистического преобразования общества во всемирном масштабе.

Какую же роль играет марксистско-ленинская политическая экономия в деле строительства коммунистического общества?

Коммунистической партией, экономистами-марксистами давно уже отброшен в сторону взгляд, будто бы победа пролетариата, построение социализма означают закат политической экономии как науки. Этот взгляд еще до Октябрьской революции усиленно проповедовал ревизионист Р. Гильфердинг. Даже Р. Люксембург, пламенный борец за дело рабочего класса, утверждала, что пролетарская революция явится концом политической экономии. Это положение аргументировалось тем, что планомерное ведение хозяйства якобы исключает действие объективных экономических законов. На деле подобная концепция может только разоружить пролетариат, взявший управление производством в свои руки, потому что она подменяет научное руководство субъективизмом и произволом, порождающими хаос в экономике. Однако в советской экономической литературе 20-х гг. под влиянием этой вредной во всех отношениях концепции некоторыми экономистами культивировалась «точка зрения» об отмирании политической экономии, о замене ее другой дисциплиной — «хозяйственной политикой». Создавались многочисленные учебные курсы экономической политики.

Опыт социалистического строительства в СССР опроверг эту версию. Коммунистическая партия в своей практической дея-

тельности неизменно руководствовалась глубоким изучением объективных процессов, протекающих в экономической жизни нашей страны, вырабатывала экономическую политику, сообразуясь с назревшими требованиями народного хозяйства и с возможностями, заключенными в нем.

1929 г. — год великого перелома — явился поворотным пунктом не только в деле строительства социализма в нашей стране, но и в развитии советской экономической науки. Выход в свет XI тома Ленинского сборника нанес сокрушительный удар по тем взглядам, которые отрицали политическую экономию в широком смысле слова, в том числе и политическую экономию социализма. Критикуя Н. Бухарина, отводившего политической экономии историческое место в узких границах товарно-капиталистического хозяйства, В. И. Ленин прямо писал, что Н. Бухарин делает шаг назад против Ф. Энгельса, что политическая экономия сохранится и при коммунизме. Коммунистическая партия взяла твердый курс на создание политической экономии социализма, обобщающей опыт строительства социализма и открывающей объективные экономические законы социалистического производства. Победа социализма в СССР явилась величайшим триумфом марксистско-ленинской теории вообще, экономической теории марксизма-ленинизма в частности.

На современном этапе исторического развития значение марксистско-ленинской политической экономии возрастает. Она является теперь не только идеологическим оружием борьбы трудящихся всего мира против системы умирающего капитализма, но и оружием практического строительства социализма в странах народной демократии и коммунизма в СССР.

Общие принципы высшей фазы коммунистического общества были открыты основоположниками марксизма на основе изучения объективных тенденций общественного развития. Построение социализма является лишь шагом на пути к коммунизму. «На высшей фазе коммунистического общества, — писал К. Маркс, — после того как изчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»[1].

Коммунизм не может прийти самотеком. Он может быть достигнут лишь в результате сознательной практической деятель-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 2, 1948, стр. 15.

ности миллионов трудящихся. Марксистско-ленинская политическая экономия указывает конкретные пути этого движения.

Главным условием успешного перехода к коммунизму является дальнейшее развитие производительных сил и повышение на этой основе производительности труда. Только на этой базе может быть создано изобилие продуктов как условие претворения в жизнь коммунистического принципа распределения по потребностям. Достижению этой цели служит основная экономическая задача СССР — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продуктов на душу населения. Вот почему «ныне, — сказано в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии, — в условиях борьбы нашего общества за высокую производительность труда, за решение основной экономической задачи СССР, на первый план выступают экономическая сторона теории марксизма, вопросы конкретной экономики» [1].

Наша страна вступает теперь в новый важнейший период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества. «Главными задачами этого периода, — говорится в тезисах доклада т. Хрущева на XXI съезде КПСС, — будут задачи создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашей Родины и одновременно все более полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей советского народа. Это будет решающий этап соревнования с капиталистическим миром, когда практически должна быть выполнена историческая задача — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения» [2].

Руководствуясь знанием объективных экономических законов, открываемых политической экономией, Коммунистическая партия всегда уделяла и уделяет особое внимание развитию ведущих отраслей промышленности — машиностроению, металлургии, электротехнической, химической и др. отраслей, техническому прогрессу, развитию технических и естественных наук. Преимущественное развитие производства средств производства обеспечило нашей стране первое место в Европе и второе место в мире по объему всего производства. В сравнении с 1913 г. валовая продукция всей промышленности СССР увеличилась в 1958 г. в 36 раз, а продукция производства средств производства — в 83 раза. На этой основе неуклонно повышалось и про-

---

[1] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, стр. 109. Издательство «Правда», 1956.

[2] Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959 — 1965 годы. Госполитиздат, 1959, стр. 3.

изводство предметов потребления, которое возросло в 1958 г. по сравнению с 1913 г. в 14 раз.

Новый скачок вперед сделает наша промышленность в предстоящем семилетии (1959—1965 гг.). Валовая продукция промышленности возрастет в 1965 г. по сравнению с 1958 г. примерно на 80%, в том числе по производству средств производства на 85—88% и по производству предметов потребления на 62—65%. Будет выплавлено 65—70 миллионов тонн чугуна, 86—91 миллион тонн стали, добыто около 230—240 миллионов тонн нефти и т. д. Валовая продукция легкой промышленности возрастет за семилетие примерно в 1,5 раза. По производству тканей, одежды и обуви к концу семилетки СССР приблизится к уровню США как по объему производства, так и по производству продукции на душу населения. По уровню производства ряда важных продовольственных товаров на душу населения СССР догонит и перегонит к 1965 г. наиболее развитые капиталистические страны.

Неуклонно развивается и наше сельское хозяйство, дающее населению важнейшие продукты питания, а промышленности—сырье. Особенно бурно оно развивалось в последние годы. В 1958 г. валовой сбор (амбарный урожай) зерновых культур составил 8,5 миллиарда пудов. В настоящее время по валовому производству молока и масла наша страна вышла на первое место в мире.

В предстоящем семилетии общий объем валовой продукции сельского хозяйства увеличится примерно в 1,7 раза. В 1965 г. производство зерна, картофеля, сахара, мяса, молока, шерсти в расчете на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий превзойдет современное производство этих продуктов в США.

Рост благосостояния трудящихся — ярчайший показатель преимуществ социалистического строя. Он вытекает из самой сущности социализма, является результатом действия основного экономического закона социализма. Реальная заработная плата рабочих промышленности и строительства выросла в 1957 г. в 4,8 раза против уровня 1913 г., а реальные доходы трудящихся крестьян — в 6 раз. Большие выгоды получают трудящиеся от бесплатного медицинского обслуживания и бесплатного образования. Забота о дальнейшем подъеме жизненного уровня трудящихся лежит в центре экономической политики Коммунистической партии.

В 1965 г. национальный доход СССР возрастет на 62—65% против 1958 г., а фонд потребления — составная часть национального дохода — на 60—63%. Вследствие этого реальные доходы рабочих, служащих и колхозников увеличатся на 40%. В предстоящем семилетии будет повышена денежная заработная плата низкооплачиваемым рабочим и служащим до 500—600 руб. в месяц, а также повысятся минимальные размеры пенсий. В 1966—1968 гг. планом развития народного хо-

зяйства СССР намечается перевести всех работников на 30—35 часовую рабочую неделю с двумя выходными днями. В результате этого в СССР будет самый короткий в мире рабочий день и самая короткая рабочая неделя. Широкое развитие получит жилищное строительство, сеть школ-интернатов, детских учреждений, бесплатное медицинское обслуживание, обучение и другие формы культурно-бытового обслуживания населения.

В процессе бурного развития производительных сил социалистического общества возникают частные противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Эти противоречия могут быть двоякого рода. В результате технического прогресса устаревают отдельные формы управления социалистическим производством. Эти противоречия не затрагивают социалистической формы собственности, разрешаются внутри нее, на ее основе. Поскольку при социализме управление общественным производством ведется государственными органами, т. е. надстроечными учреждениями, указанные противоречия неизбежно касаются и надстройки. Примером такого противоречия является отставание форм управления промышленностью и строительством, наметившееся в последние годы. Реорганизация системы управления этими важнейшими сферами народного хозяйства, проведенная по инициативе Коммунистической партии в 1957 г., создание совнархозов административных экономических районов открыли новые возможности для дальнейшего роста производительных сил.

Иной характер носят некоторые противоречия между социалистической формой собственности и достигнутым уровнем производительных сил. Примером разрешения противоречий такого рода является проведенное в послевоенный период укрепление мелких колхозов — укрупнение колхозной собственности. В настоящее время осуществлена в основном реорганизация МТС в РТС и сделан новый шаг вперед в развитии колхозной собственности путем продажи колхозам сельскохозяйственной техники. Это ведет к усилению заинтересованности колхозов в ее более эффективном использовании. Развитие колхозной собственности отвечает интересам всего советского народа и является реальным способом постепенного подъема колхозной собственности через ее укрепление до уровня общенародной. Решение мартовского Пленума ЦК КПСС (1958 г.) «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» имеет огромное историческое значение, поскольку оно прямо нацелено на известное изменение существующих экономических отношений, на совершенствование социалистической колхозной собственности.

Все эти мероприятия, претворенные в жизнь советским народом под руководством Коммунистической партии, основаны на глубоком изучении объективных экономических процессов, на вы-

явлении новых факторов и тенденций, рождающихся в объективной действительности. Этому служит марксистско-ленинская политическая экономия.

В предстоящем семилетии социалистические производственные отношения получат дальнейше развитие. Оно проявится прежде всего в сближении двух форм социалистической собственности — колхозной и общенародной. Это будет происходить путем укрепления колхозного строя на основе роста колхозных производственных фондов, увеличения неделимых фондов и правильного их использования, расширения межколхозных производственных связей по линии совместной организации промышленных, строительных и других хозяйственных предприятий, совместного строительства электростанций, дорог, оросительных и осушительных систем, предприятий по переработке и хранению сельскохозяйственных продуктов, школ, особенно школ-интернатов, домов для престарелых, больниц, клубов. По мере роста колхозного производства личное приусадебное хозяйство колхозников постепенно будет утрачивать свое значение. В результате осуществления всех этих задач будут достигнуты крупные успехи в деле преодоления существенного различия между городом и деревней.

Развитие социалистических производственных отношений будет происходить не только в области взаимоотношений между общенародной и колхозной собственностью, но и внутри самой общенародной собственности. Это развитие проявится прежде всего в том, что значительный шаг будет сделан в преодолении существенного различия между физическим и умственным трудом, чему содействуют, в частности, мероприятия по перестройке системы народного образования в нашей стране, по укреплению связи школы с жизнью. Предстоящее сокращение разрыва в доходах между низко- и среднеоплачиваемыми группами работников и высокооплачиваемыми работниками означает совершенствование социалистического принципа распределения по труду. В семилетке намечаются серьезные преобразования в области управления народным хозяйством страны с целью приблизить руководство к непосредственному производству, вовлечь широкие массы трудящихся в прямое управление общественным хозяйством, сократить управленческий аппарат, повысить уровень его работы. В частности, ставится задача активного вовлечения в непосредственное управление производством работников и работниц совхозов.

В связи с дальнейшим развитием нашего общества по пути к коммунизму большие задачи возникают перед работниками общественных наук, в том числе перед работниками политической экономии. Они должны, — говорится в тезисах доклада т. Хрущева на XXI съезде партии, — создать фундаментальные труды, обобщающие закономерности общественного развития и практику социалистического строительства, и разработать проб-

лемы, связанные с постепенным переходом к коммунизму. Важнейшей задачей работников общественных наук является критика современного ревизионизма и буржуазной идеологии. Экономическая наука должна быть тесно связана с планированием народного хозяйства и всей практикой коммунистического строительства.

Политическая экономия социализма, обобщая опыт строительства социализма в СССР и странах народной демократии, помогает трудящимся стран народной демократии, возглавляемым коммунистическими и рабочими партиями, правильно использовать общие закономерности перехода от капитализма к социализму с учетом конкретных экономических и политических особенностей каждой страны, успешно преодолевать трудности, стоящие на этом пути, избегать ошибок и недостатков, встречавшихся в опыте других стран. При братской помощи Советского Союза, первого в мире социалистического государства, строительство социализма в странах народной демократии существенно облегчается. Политическая экономия социализма раскрывает возможности, возникающие в условиях великого содружества социалистических стран, для прямого перехода к социализму даже тех стран, в которых преобладают докапиталистические формы хозяйства.

Значение экономической теории марксизма-ленинизма на современном этапе развития нашей страны надо видеть и в другом аспекте. Советский Союз возглавляет лагерь социалистических стран, экономической основой которого является мировая система социалистического хозяйства. Экономические отношения внутри социалистического лагеря развиваются по объективным законам, действие которых требует постоянного изучения. Нельзя забывать также и факта сосуществования двух противоположных систем мирового хозяйства: капиталистической и социалистической, от соотношения сил которых зависит ход исторического развития всего человечества. Политическая экономия социализма изучает вопросы экономического соревнования этих систем, раскрывает решающие преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической, превосходство общественного строя социализма над капитализмом.

Наконец, политическая экономия социализма — наука идеологическая. Ее значение как идеологической науки чрезвычайно велико. Она освещает пути социалистического преобразования общества всем народам, борющимся за свержение власти капитала, помогает глубже понять важнейшие законы капитализма, опровергает выдумки лакеев капитализма о «вечности» капиталистических порядков и «невозможности» социализма. Идеологическое значение политической экономии социализма велико и для внутренней жизни нашей страны. Хотя в СССР нет антагонистических классов, нет эксплуатации человека человеком, пережитки капитализма в сознании людей далеко еще не преодо-

лены. Поэтому идеологическое воспитание трудящихся — один из важнейших путей перехода к коммунизму. Груз пережитков капитализма — мещанство и обывательщина, оттягчающие некоторых членов нашего общества, несовместимы с коммунизмом. Коммунизм, писал В. И. Ленин в 1917 г., предполагает *«не теперешнего* обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного»[1]. Политическая экономия является важнейшим средством коммунистического воспитания масс. Знание законов общественного развития, преимуществ социализма перед капитализмом поднимает каждого трудящегося в идейно-теоретическом отношении, превращает его в действительно сознательного и активного борца за построение коммунизма. Изучение политической экономии социализма воспитывает социалистическое отношение к труду, ставшему делом чести, доблести и геройства, бережливое отношение к социалистической собственности, умение рассматривать общественные интересы как свои личные интересы, глубоко уважать и укреплять отношения сотрудничества и товарищеской взаимопомощи.

* * *

Марксистско-ленинская политическая экономия вооружает рабочий класс, всех трудящихся, коммунистические и рабочие партии капиталистических и колониальных стран теоретическим оружием величайшей силы в их борьбе против империалистической реакции, против грабительских войн, против господства монополий, за национальное и социальное освобождение. Марксистско-ленинская политическая экономия разоблачает «теории» явных и завуалированных прислужников капиталистического рабства. Марксистско-ленинская политическая экономия служит делу строительства социализма в странах народной демократии и коммунизма в нашей стране.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 441.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр

Введение 3

1. Производство материальных благ — основа жизни человеческого общества 4
2. Общественное производство и его две стороны: производительные силы и производственные отношения. Способ производства 10
3. Экономические законы развития общества и их объективный характер 29
4. Марксистско-ленинское определение предмета политической экономии 41
5. Классовый, партийный характер политической экономии. Ее историческое развитие 48
6. Значение марксистско-ленинской политической экономии для строительства коммунистического общества . . 57

Редактор *В. Н. Ягодкин*

Редактор издательства *А. А. Чикнаверова*

Технический редактор *С. С. Горохова*

Сдано в набор 17/II—59 г. Подписано к печати 14/V—59 г.
Бумага 60×92¹/₁₆=4,25 печ. л. 4,13 уч.-изд. л.
Тираж 19000 Т—05589 Издательство «Советская наука»
Заказ 60 Цена 1 р. 10 коп.

Тип. изд-ва «Советская наука», Неглинная, 29/14. Зак. 267